

ЧИТАЙТЕ КНИГУ — СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!
В ГЛАВНОЙ РОЛИ И АВТОР СЦЕНАРИЯ — ТОМ ХЭНКС.

Сесил Скотт Форестер

«ГРЕЙХАУНД»,
или ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

Я рекомендую книги
Форестера всем, кто умеет читать.

Эрнест Хемингуэй

Смотрите в

Азбука-бестселлер

Сесил Форестер

«Грейхаунд», или Добрый пастырь

«Азбука-Аттикус»

1955

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Форестер С. С.

«Грейхаунд», или Добрый пастырь / С. С. Форестер — «Азбука-Аттикус», 1955 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-18588-3

Впервые на русском – классический роман Сесила Скотта Форестера, прославившегося циклом книг о приключениях капитана Хорнблауэра. Книга, которую называли «пожалуй, лучшим приключенческим романом о Второй мировой войне» (Life) и «самым увлекательным морским приключением со времен хемингуэевского „Старика и моря“» (The Guardian). Действие происходит в самом начале Второй мировой войны. Международный конвой из 37 кораблей союзников должен пересечь беспокойные и тающие много опасностей воды северной Атлантики. За конвоем, подобно стае волков, идут по следу нацистские подводные лодки, готовые пустить на дно суда союзников при первой же возможности. Джордж Краузе, капитан одного из кораблей сопровождения, – старый морской волк, но в подобных боевых действиях он принимает участие впервые; на его плечах не только ответственность за ценный груз, но и жизнь трех тысяч человек... «Я рекомендую книги Форестера всем, кто умеет читать» (Эрнест Хемингуэй). В 2020 году в мировой прокат выходит экранизация этого классического произведения. Главную роль исполнил Том Хэнкс, выступивший также автором сценария. Режиссер-постановщик – Аарон Шнайдер («Похороните меня заживо», сериал «Лучшие»).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18588-3

© Форестер С. С., 1955

© Азбука-Аттикус, 1955

Содержание

Предисловие	7
1	9
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сесил Скотт Форестер

«Грейхаунд», или Добрый пастырь

С благодарностью вице-адмиралу ВМС США (в отставке) Ральфу У. Кристи, бывшему командующему подводными силами юго-западного сектора Тихого океана, и капитану второго ранга Дж. Д. П. Ходатту, бывшему командиру корабля ВМС США «Холл»

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, статья, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Сесил Скотт Форестер (Сесил Льюис Траутон Смит, 1899–1966) написал более двух десятков книг. Во время Второй мировой войны писатель много времени провел на американских и британских боевых кораблях, что отразилось в романах «Корабль» (1943) и «Добрый пастырь» (1955). Его книги многократно экранизировали. Особенно известны фильмы «Капитан Хорнблауэр» (1951) с Грегори Пеком в главной роли и «Африканская королева» (1951) с Хамфри Богартом (за эту картину он получил свой единственный «Оскар») и Кэтрин Хэпберн. В 1953 году английская королева предложила наградить Форестера орденом Британской империи, но тот отказался, сказав, что не заслужил такой чести. Форестер был любимым писателем Уинстона Черчилля и должен был стать его официальным биографом, но смерть автора не позволила этому замыслу осуществиться.

Самое увлекательное морское приключение со времен хемингуэевского
«Старика и моря».

The Guardian

В своем избранном жанре Сесил Скотт Форестер – лучший писатель
наших дней.

Time

Пожалуй, это лучший приключенческий роман о Второй мировой войне.

Life

Форестер мастерски держит читателя в напряжении от первой страницы
до последней.

The New York Times

Предисловие

Английского писателя Сесила Скотта Форестера (1899–1966) в России знают главным образом по приключениям капитана Горацио Хорнблауэра, действие которых происходит во время Наполеоновских войн. Теперь, благодаря фильму «Грейхаунд», наши читатели смогут познакомиться с одним из главных его романов – «The Good Shepherd» (1955). Название романа отсылает к евангельской притче о добром пастыре (Ин. 10: 11): «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец», или в переводе на современный русский язык: «Я – хороший пастух, ведь хороший пастух отдает свою жизнь за овец» (перевод Российского библейского общества). Капитан эскадренного миноносца «Килинг» (в фильме – «Грейхаунд», то есть «Гончая») Джордж (в фильме – Эрнест) Краузе – хороший пастух; он во главе группы охранения из двух эсминцев и двух сторожевиков ведет свое стадо – конвой – через Атлантику, защищая его от волчьей стаи немецких подводных лодок. «Волчья стая» в данном случае не поэтическая метафора, а военный термин. Тактика волчьей стаи была разработана к 1938 году адмиралом Карлом Дёницем (1891–1980), который в 1939-м стал командующим подводным флотом, а в 1943-м – главнокомандующим ВМФ нацистской Германии. «Волчья стая» из шести–девяти подводных лодок выстраивалась в завесу на пути предполагаемого следования каравана. Как только одна из лодок обнаруживала вражеские суда, она начинала преследование, при этом отправляя координаты и курс своего движения в штаб подводных сил, который на основании полученных данных координировал действия подводных лодок. Атака объединенными силами «стаи» осуществлялась ночью из надводного положения; благодаря низкому силуэту в темноте субмарины были почти незаметны среди волн. Начало 1943 года, когда происходит действие книги, – время последних триумфальных побед Дёница, за которыми последовал катастрофический разгром. Одной из главных причин этого разгрома стало усовершенствование радара – с переходом на сантиметровый диапазон глубина перестала быть надежным убежищем для подлодок.

С. С. Форестер знал жизнь военного флота не только как автор морских романов, но и по собственному опыту. Как многие британские писатели, которым возраст или здоровье не позволяли идти на фронт, он с началом войны поступил на работу в Министерство информации – правительственный орган, существовавший в Британии с сентября 1939-го по март 1946-го. Его отправили в Соединенные Штаты писать статьи, рассказы и сценарии, которые поддерживали бы симпатии американцев к Англии и способствовали бы вступлению США в войну. Как журналист, он часто бывал на военных кораблях. Самая значительная его книга этого периода, «Корабль» (1943), основана на интервью с офицерами и командой британского легкого крейсера «Пенелопа», который в романе выведен под названием «Артемиды». В том же сорок третьем году, когда вышел «Корабль», американское Адмиралтейство отправило Форестера на линкор «Теннесси» под командованием адмирала Кинкейда, атаковавший японские базы вблизи Алеутских островов. Здесь, стоя на мостике линкора рядом с капитаном, писатель впервые ощутил сильную боль в ногах и поначалу решил, что от сырости и холода схватил ревматизм. Однако это оказалась тяжелейшая болезнь – атеросклероз. В перспективе у Форестера была ампутация ног, на ближайшее же время ему велели превратиться в овощ: ничего не делать, ни из-за чего не волноваться и ни о чем не думать. Не думать он не мог, поэтому начал писать следующую книгу – «Коммодор», о приключениях Хорнблауэра в России в 1812 году. Несмотря на некоторое количество «развесистой клюквы», эта книга исполнена восхищения перед мужеством русских солдат и офицеров. За время работы над «Коммодором» развитие болезни чудесным образом остановилось, и Форестер научился жить со своей инвалидностью – настолько, что в 1944-м вернулся к деятельности военного пропагандиста и журналиста. Свою следующую книгу он закончил у берегов Японии на борту британского крейсера «Свифтшур».

В «Добром пастыре» Форестер вновь вернулся к событиям Второй мировой войны. Двое суток из жизни американского капитана описаны с документальной подробностью и достоверностью. Помимо прочего, упомянуто многое из того, что впоследствии помогло союзникам выиграть Битву за Атлантику: радар, высокочастотная радиопеленгация, криптография. Кроме американского эсминца и двух сторожевиков – канадского и британского, – в охранение входит польский эсминец. Сама Польша к тому времени была оккупирована гитлеровскими войсками, однако часть польского флота за несколько дней до начала войны эвакуировали в Британию в ходе операции «Пекин». Из четырех польских эсминцев три, «Бужа», «Блыскавица» и «Гром», добрались до Эдинбурга и в дальнейшем принимали активное участие в боевых действиях совместно с Королевским флотом (четвертый, «Вихер», после героического сопротивления был потоплен немцами на третий день войны). «Бужа» и «Блыскавица» пережили войну и были возвращены Польше. «Блыскавицу» и сегодня можно видеть в порту Гдыни как корабль-музей.

Е. Доброхотова-Майкова

1

Горизонт в этот ранний час казался ближе обычного. Между блеклым небом и серым морем не было четкого перехода, просто две родственные стихии сливались в сгущении облачной пелены. За пределами этого хмурого кольца море уходило во все стороны на тысячу миль, глубина его составляла две мили – такие масштабы трудно охватить умом, хотя мы легко принимаем их как научный факт. В двух милях внизу лежало морское дно, темнее самого длинного и темного туннеля, когда-либо созданного человеком, под давлением, какого не достичь на заводе или в лаборатории, неведомое и неисследованное; никто из людей его не видел, и лишь их мертвые тела попадали туда в стальных гробах раздавленных кораблей. А сами корабли, в глазах ничтожных людишек такие большие и прочные, оседали в холод и мрак векового ила, словно пылинки на паркет бального зала.

На поверхности моря, ограниченной близким горизонтом, качалось множество кораблей. Длинные серые валы катили с северо-востока нескончаемой чередой, и каждый показывал свою безграничную мощь. Каждому кораблю отвешивали почтительный поклон, кренясь на борт, затем начинали подъем, задрав нос к небу, чтобы, достигнув вершины, качнуться на другой борт и заскользить с высокого склона – нос опущен, корма задрана, и так снова и снова, переваливаясь с борта на борт и с носа на корму. Глядя на корабли, идущие параллельными линиями и колоннами, можно было проследить направление и позицию каждого вала – наискось через колонны и линии: корабли взбирались на гребень и соскальзывали вниз, так что на виду оставались только верхушки мачт, кренились на правый борт и на левый, друг к другу и друг от друга, сколько хватало терпения смотреть.

Корабли были самые разные: грузовозы и танкеры, большие и малые, старые и новые, с грузовыми полумачтами и стрелами кранов. Все они упорно двигались на восток, будто направляемые единой волей, их пенные следы были строго параллельны; а если пронаблюдать за ними, можно было заметить, что через долгие неравномерные промежутки времени они поворачивают на несколько градусов вправо или влево, задние вслед за передовыми. Однако вскоре наблюдатель убедился бы, что, несмотря на изменения курса, в целом строй кораблей движется к осту, упорно и неуклонно, час за часом преодолевая по нескольку миль из тысячи, отделяющей его от неведомой цели на востоке. Все эти корабли направлял единый дух.

Впрочем, пронаблюдав подольше, можно было бы заметить, что дух этот не совсем непогрешим, а корабли – не безупречные машины. Почти каждое изменение курса тридцати семи кораблей сопровождалось какой-нибудь накладкой. Опытного наблюдателя это бы нисколько не удивило, даже будь корабли просто механизмами, потому что каждый отличался от соседних, каждый по-своему слушался руля, по-своему реагировал на волны, набегавшие спереди, со скулы или с траверза¹, по-своему сносился ветром. А поскольку корабли шли на расстоянии четверть мили в линии и полмили в колонне, мелкие расхождения были чреваты самыми серьезными последствиями.

Корабли бы вели себя по-разному, даже будь они безупречны сами по себе, а они были далеко не безупречны. Моторы в каждом работали не совсем равномерно, топливо было не совсем однородным, трубы со временем засорялись, клапаны открывались не полностью, и винты, приводимые в движение моторами, вращались с разной скоростью. Компасы тоже не бывают абсолютно точными. А поскольку по мере расходования топлива и припасов менялась осадка, тяга винтов давала бы разные результаты, даже если бы каким-то чудом их скорость вращения оставалась одной и той же. Каждая из переменных создавала расхождение

¹ См. морской словарь в конце книги.

относительных позиций не больше нескольких футов за минуту, но в плотном строю кораблей несколько футов в минуту за двадцать минут могут привести к катастрофе.

А помимо механических переменных, существовала человеческая переменная, самая переменчивая из всех. Человеческие руки вращали штурвал, человеческие глаза наблюдали за датчиками, от человеческого умения зависело, сильно ли дрожит стрелка на картушке компаса. Люди были разные: с быстрой реакцией и с замедленной, осторожные и бесшабашные, с многолетним опытом и почти зеленые новички. И разница между людьми была важнее разницы между кораблями. Разница между кораблями могла привести к катастрофе за двадцать минут, но человеческая переменная – необдуманный или неверно понятый приказ, перекладка руля не в ту сторону или погрешность в расчетах – могла привести к катастрофе за двадцать секунд. Сменой курса руководил головной корабль центральной колонны; спуск двух флажков, реющих на его сигнальном фале, означал начало поворота – одного из серии, распланированной днями раньше. Легко было повернуть не туда, еще легче – засомневаться на миг, куда поворачивать, так же легко было усомниться в компетентности мателота. Осторожный человек мог чуть-чуть промедлить с отдачей приказа, ожидая, что сделают другие, и таким образом подставить свой борт под нос корабля из соседней колонны. И любая такая ошибка грозила смертью.

В сравнении с огромностью моря корабли выглядели крошечными, незначительными; могло показаться чудом, что они пересекают эту огромность пред лицом сил природы и уверенно достигают цели. Это сделал возможным изобретательный человеческий ум, опыт и знания, накопленные со времен первого кремневого орудия и первых наскальных знаков. Теперь изобретательный человеческий ум добавился в число опасностей. Низкое небо и серые валы несли в себе угрозу, однако корабли продолжали сложные маневры в тесном строю на волосок от беды, ибо, прекрати они маневрировать и разойдись на безопасное расстояние, их бы подстерегали еще худшие беды.

Там, куда шли корабли, ждали мужчины, женщины, дети. Они не знали о существовании именно этих кораблей, не знали их названий, не знали, как зовут людей, отделенных от холодной огромности моря лишь тремя четвертями дюйма стальной обшивки. Если эти и тысячи других кораблей не дойдут до цели, мужчины, женщины и дети будут страдать от голода, холода и болезней. Их может разорвать на куски бомбой. Их может постигнуть еще худшая участь – участь, которую годы назад хладнокровно сочли худшей; они могут подпасть под гнет тирана, лишиться своих свобод, а если так – они чувствовали это инстинктивно, даже если и не могли обосновать логически, – пострадают не только они сами, но и весь человеческий род, мир в целом станет менее свободным.

Некоторые на кораблях это знали, даже если необходимость держать курс и место в строю вытесняла у них из головы подобные мысли, но многие ни о чем таком не думали и переживали опасности и тяготы по другим причинам, а то и вовсе без причин: люди, желавшие денег, выпивки, женщин или той уверенности в завтрашнем дне, что дают иногда деньги; люди, которым многое надо было забыть, и недоумки, которым нечего было забывать; кого-то погнала на флот необходимость кормить детей, кто-то бежал от неразрешимых проблем.

Одни обеспечивали вращение винтов, другие – сохранение места в строю, третьи поддерживали рабочее состояние корабля, а четвертые кормили тех, кто всем этим занят. Но куда они исполняли свой долг – из высоких побуждений или из низких, а кто-то и вовсе сам не зная зачем, – они были просто деталями своего корабля. Деталью, в силу человеческого разнообразия не обработанными до единого стандарта, – и они, или их корабли (не разделяя корабль и команду), оставались материальными объектами, которые одна сторона защищает, а другая пытается уничтожить, объектами, которые проведут через океан или отправят в ледяные глубины.

2

Среда. Предполуденная вахта – 8:00–12:00

В конвое было почти две тысячи человек, в эскорте из двух эсминцев и двух сторожевых кораблей – более восьмисот. За три тысячи жизней и материальное имущество на пятьдесят миллионов долларов (бесполезное численное выражение неоценимого) отвечал кавторанг ВМС США Джордж Краузе, сорока двух лет, рост пять футов девять дюймов², вес сто пятьдесят пять фунтов³, телосложение среднее, цвет глаз серый, командующий эскортом и капитан эсминца «Килинг» типа «Мэхен» водоизмещением пятнадцать тысяч тонн, спущенного на воду в 1938-м.

Это голые факты, а факты порой ничтожны. Позади, в середине конвоя, шел танкер «Хендриксон». По балансовой отчетности компании-владельца танкер оценивался в четверть миллиона долларов, а груз нефти – еще в четверть миллиона, и все это не значило ровным счетом ничего, а вот тот факт, что, доставленный в Англию, его груз обеспечит час под парами всему британскому флоту, означал неизмеримо много – как оценить в деньгах час свободы для мира? Человеку, мучимому жаждой в пустыне, безразлично, сколько банкнот у него в карманах. Вес кавторанга Краузе был фактом вполне существенным, так как влиял на время, за которое тот успеет добраться до мостика в критической ситуации, и даже мог косвенно указывать, что ему хватит сил оставаться там, сколько потребуется, невзирая на физическую нагрузку. Это было куда важнее балансовой стоимости «Хендриксона» даже для владельцев танкера, хотя те никогда не слышали про кавторанга ВМС США Краузе. И уж тем более их не волновало, что он сын лютеранского пастора, воспитан в строгой вере и очень хорошо знает Библию. Однако все это было чрезвычайно важно, поскольку на войне личность и характер командира влияют на события больше, чем мелкие материальные вопросы.

Он был у себя в каюте, только что вышел из душа и теперь вытирался. Возможность помыться выдалась впервые за тридцать шесть часов, и следующая могла представиться не скоро. То было блаженное время после отмены предрассветной боевой тревоги. Краузе надел толстые шерстяные кальсоны и фуфайку, рубашку и брюки, носки и ботинки. Он только что закончил причесываться – действие скорее формальное, поскольку жесткий русский ежик пригладить было невозможно. Краузе глянул в зеркало – убедиться, что выбрит как следует. Его глаза (не то чтобы совсем серые, скорее неопределенного серо-болотного цвета) встретились со взглядом отражения равнодушно, как если бы смотрели на кого-то чужого. Краузе и был чужаком для самого себя, кем-то, о ком следует не думать или думать отстраненно. Его тело служило не более чем орудием для выполнения долга.

Душ, бритье и чистая рубашка так поздно утром – отклонение от правильного порядка вещей, вызванное превратностями войны. Краузе уже три часа был на ногах. Он поднялся на мостик в темноте до объявления предрассветной тревоги, чтобы заранее быть готовым к опасности, которую сулило это время суток, и стоял там, покуда ночная чернота медленно сменялась серой зарей, а корабль и команда ждали в полной боеготовности. Когда стало совсем светло – если можно так сказать про нынешнюю тоскливую серость – и боевую тревогу отменили, Краузе смог прочесть принесенные радистом сообщения, принять рапорта у командиров отделений, осмотреть в бинокль подчиненные ему боевые корабли по правому и левому борту,

² 175 см.

³ 70 кг.

а также маневрирующий сзади конвой. Час после восхода – самое безопасное время, и Краузе мог ненадолго уйти к себе в каюту. Встать на колени и помолиться. Позавтракать. А затем принять душ и сменить рубашку, хоть и странно было делать это сейчас, а не в начале нового дня.

Убедившись, что тщательно выбрит, он отвернулся от чужака в зеркале и замер на мгновение: рука на спинке стула, глаза смотрят на палубу под ногами.

«Вчера и сегодня и во веки»⁴, – тихонько проговорил он, как всегда, когда заканчивал себя инспектировать. Этот стих из тринадцатой главы Послания к Евреям отмечал тот факт, что Краузе начал новый отрезок жизненного пути к смерти и вечной жизни за гробом. Он уделил этим мыслям должное внимание, и покуда мозг был занят ими, тело машинально сохраняло равновесие, поскольку эсминец качало, как может качать только эсминец – и как его качало без перерыва последние несколько дней. Палуба под ногами вздымалась и падала, сильно наклоняясь вправо и влево, вперед и назад, порой словно передумывая на полпути и резким содроганием нарушая ритм, в котором скудная обстановка каюты дребезжала от вибрации винтов.

Краузе окончил Аннаполис двадцать лет назад, из них тринадцать провел в море, по большей части на эсминцах; его тело прекрасно сохраняло равновесие на кренящемся корабле, даже если сам Краузе в эти мгновения думал о бессмертии души и бренности всего сущего.

Он потянулся к свитеру, который собирался надеть следующим, но тут звонок в переборке издал резкую ноту, а из переговорной трубы раздался голос лейтенанта Карлинга, застывшего на вахту после отбоя тревоги.

– Капитана на мостик, сэр, – сказал Карлинг. – Капитана на мостик, сэр.

В голосе слышалось волнение. Краузе не стал брать свитер, а сразу снял с вешалки китель. Другой рукой он отодвинул стеклотканевую занавеску на двери и в одной рубашке, с кителем в руке взбежал на мостик. Семь секунд прошло от звонка до того мгновения, когда Краузе вошел в рубку. Еще секунды, чтобы осмотреться, у него не осталось.

– Гарри установил контакт, сэр, – сообщил Карлинг.

Краузе метнулся к радиотелефону – рации межсудовой связи:

– Джордж – Гарри. Джордж – Гарри. Прием.

Говоря, он глядел на вздымающееся море по левому борту. В трех с половиной милях слева шел польский эсминец «Виктор», в трех с половиной милях за ним – британский сторожевой корабль «Джеймс»; он был на раковине «Виктора», далеко за кормой, так что едва виднелся над углом надстройки и на таком расстоянии часто пропадал из виду, когда одновременно с «Килингом» оказывался в подошве волны. Гарри – позывной «Джеймса». Как раз когда Краузе поймал его взглядом, радиотелефон заблеял. Никакие помехи не могли скрыть характерные английские интонации.

– Дальний контакт, сэр. Пеленг три-пять-пять. Прошу разрешения на атаку.

Одиннадцать слов, из которых одно можно было бы опустить. Однако они составляли невероятной сложности задачу, в которой требовалось учесть десятка два факторов, – а решение надо было найти за наименьшее число секунд. Краузе отыскал глазами репитер, и привычный ум мгновенно упростил один фактор. Контакт по пеленгу три-пять-пять, на данном отрезке зигзага это впереди от левого траверза. «Джеймс», крайний из четырех кораблей эскорта, в трех милях левее конвоя. В таком случае немецкая подлодка – если контакт и впрямь указывает на присутствие немецкой подлодки, что далеко не факт, – должна быть в нескольких милях от каравана и немного впереди по левому траверзу. Взгляд на часы: через четырнадцать минут очередная смена курса. Поворот вправо, то есть конвой пойдет прочь от подлодки. Довод за то, чтобы оставить ее в покое.

⁴ Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13: 8).

Были и другие доводы в пользу такого решения. Завеса состояла всего из четырех кораблей; когда они находились на позициях, их только-только хватало, чтобы прощупывать гидролокаторами весь огромный фронт конвоя. Отряды один – или два, – и завесы, считай, не останется, только дыры, куда могут проскользнуть другие подлодки. Помимо этого весо-мого фактора, оставался другой, еще более весомый, тревоживший каждого флотского офицера со времен парусного флота. «Джеймсу» придется идти полным ходом, он сильно отклонится от курса каравана. Поиск может занять много часов, и, вне зависимости от результата, «Джеймс» вынужден будет догонять конвой. Это означает час, два, три полного хода, при котором сожгутся дополнительные тонны топлива. Резерв топлива есть, но небольшой. Оправданно ли сейчас, в самом начале действий, тратить этот резерв? Вся профессиональную жизнь Краузе учили, что разумный офицер бережет резерв для решающего сражения. Это был довод – всегдашний довод – в пользу осторожности.

С другой стороны, есть контакт. Возможно – и даже вероятно, – подлодку удастся уничтожить. Уничтожение подлодки – значительный успех сам по себе, а последствия могут быть даже более важными. Если дать подлодке уйти, она всплывет и по радио сообщит своему командованию о судах в этой точке Атлантики – судах, которые могут быть только конвоем союзников, а значит – мишенью для немецких торпед. И это еще не худшее; подлодка может всплыть и, пользуясь тем, что на поверхности скорость у нее вдвое больше, чем у каравана, держать его под наблюдением, определить его скорость и основной курс, вызвать – если командование это еще не сделало – волчью стаю других подлодок для перехвата и массированной атаки. Уничтожив ее, можно все это предотвратить; даже если она просто не всплывет в ближайшие час-два, то конвой успеет оторваться, и найти его немцам будет куда труднее. При большой удаче они и вовсе не сумеют его найти.

– Все еще поддерживаю контакт, сэр, – проквакала рация.

Прошло двадцать четыре секунды, с тех пор как Краузе поднялся на мостик, пятнадцать – с тех пор как сложнейшая задача встала перед ним во всей своей полноте. Хорошо, что долгими часами на мостике, долгими одинокими часами у себя в каюте Краузе тщательно обдумывал сходные задачи. Сколько ни думай, невозможно предусмотреть любую обстановку; нынешние обстоятельства – пеленг контакта, количество топлива, положение конвоя, время суток – составляли одну из тысяч возможных комбинаций. А были и другие факторы, которые Краузе анализировал заранее: он – американский офицер во главе союзного каравана. По чисто формальной причине (большая выслуга) ему, не слышавшему ни одного вражеского выстрела, поручили командовать молодыми капитанами, у которых за плечами два с половиной года войны. Это добавляло множество значимых факторов, не имеющих численного выражения, в отличие от расхода топлива или даже вероятности уничтожить немецкую подлодку после обнаружения дальнего контакта. Что подумает о нем капитан «Джеймса», если не дать разрешения на атаку? Что подумают о нем моряки в конвое, если другие подлодки прорвут завесу, ослабленную по его приказу? Станет ли одно правительство, получив рапорта, жаловаться другому на его, Краузе, безрассудство? Или на его излишнюю осторожность? Будут ли офицеры одного флота презрительно качать головой, а офицеры другого – неискренне его выгораживать? Слухи в вооруженных силах разносятся быстро, и то, что говорят моряки, рано или поздно доходит до конгрессменов и членов парламента. Добросоюзнические отношения в какой-то мере зависят и от его решения, а от добросоюзнических отношений зависят победа и свобода всего мира. Эти стороны задачи Краузе тоже обдумал загодя, но сейчас они не влияли на его решение, лишь увеличивали бремя ответственности на его плечах.

– Разрешаю, – произнес он.

– Есть, сэр, – ответила рация.

И тут же заквакала снова:

– Орел – Джорджу. Прошу разрешения помочь Гарри.

Орел – позывной польского эсминца «Виктор» на левом траверзе «Килинга», между ним и «Джеймсом», а голос принадлежал молодому британскому офицеру, переведенному на «Виктор» для радиотелефонной связи.

– Разрешаю, – сказал Краузе.

– Есть, сэр.

«Виктор» повернул практически сразу, как прозвучали эти слова; его нос рассек волну фонтаном брызг, и эсминец накренился на корму, все еще поворачивая, набирая скорость, чтобы присоединиться к «Джеймсу». «Виктор» и «Джеймс» – тандем, уже осуществивший в предыдущем походе одно «вероятное потопление». На «Джеймсе» стоит новый гидроакустический дальномер; у них с «Виктором» отработана система совместной охоты. Эти два корабля – боевые товарищи; Краузе с момента донесения о контакте знал, что, отпуская один, должен будет отпустить и второй, чтобы повысить шансы на успех.

С вызова из каюты прошло пятьдесят девять секунд; меньше чем за минуту Краузе принял трудное решение и отдал приказы, претворяющие решение в действие. Теперь требовалось наиболее эффективно расположить оставшиеся два корабля – «Килинг» и канадский «Додж» на его правой раковине, то есть попытаться двумя кораблями заслонить тридцать семь. Конвой занимал три квадратных мили моря, огромная цель для пущенной наугад торпеды, а выпустить ее результативно можно было из любой точки полукруга обхватом в сорок миль. Даже наилучшая попытка создать охранение из двух кораблей была бы жалким компромиссом, но и эту попытку еще только предстояло сделать...

Краузе снова заговорил в рацию:

– Джордж – Дикки.

– Сэр! – тут же проквакала рация. Очевидно, «Додж» ждал приказа.

– Займите позицию в трех милях впереди головного судна правой колонны конвоя.

Размеренный тон приказа еще больше подчеркивал немелодичность его голоса.

– Три мили впереди головного судна правой колонны, – отозвалась рация. – Есть, сэр.

Канадские интонации звучали привычней британских. Можно не опасаться недоразумений. Краузе глянул на репитер и повернулся к вахтенному офицеру.

– Курс ноль-ноль-пять, мистер Карлинг.

– Есть, сэр, – ответил Карлинг и обратился к рулевому: – Лево руля. Курс ноль-ноль-пять.

– Есть лево руля, – повторил рулевой. – Курс ноль-ноль-пять.

Это был Паркер, рулевой третьего класса, двадцатидвухлетний, женатый и бестолковый. Карлинг это знал и смотрел на репитер.

– Скорость восемнадцать узлов, мистер Карлинг, – сказал Краузе.

– Есть, сэр, – ответил Карлинг и отдал команду.

– Есть восемнадцать узлов, – отрепетовал вахтенный у машинного телеграфа.

«Килинг» повернул под действием руля; дрожь, ощущаемая ногами через палубу, участилась. Корабль шел к новой позиции.

– Машинное отделение отвечает: «Есть один-восемь узлов», – сообщил вахтенный у телеграфа.

Он был новенький на корабле, переведен к ним во время захода в Рейкьявик, и служил второй срок. Два года назад он в увольнительной попал в нехорошую историю: ведя машину, спровоцировал аварию и сбежал с места происшествия. Краузе не помнил его фамилию. Это надо будет исправить.

– На румбе ноль-ноль-пять, – объявил Паркер со всегдашней нагловатой бесшабашностью, которая раздражала Краузе и свидетельствовала о ненадежности Паркера. Никаких действий не требуется; просто сделать мысленную отметку.

– Восемнадцать по ГДЛ, сэр, – доложил Карлинг.

– Очень хорошо.

Это были показания гидравлического лага. Теперь предстояло отдать еще приказы.

– Мистер Карлинг, займите позицию в трех милях впереди головного судна левой колонны конвоя.

– Три мили впереди головного судна левой колонны конвоя. Есть, сэр.

«Килинг» уже шел к новой позиции наиболее экономичным курсом, и сейчас было самое время проверить конвой, вдоль которого они двигались. Но прежде Краузе мог позволить себе надеть китель, который до сих пор так и держал в руке. Он влез в рукава и, расправляя их, нечаянно ткнул телефониста в живот.

– Извините, – сказал Краузе.

– Ничего, сэр, – пробормотал телефонист.

Карлинг держал руку на выключателе звонков боевой тревоги и глядел на капитана в ожидании приказа.

– Нет, – сказал Краузе.

По тревоге каждый встанет на боевой пост. Никто не сможет поспать и почти никто – поесть; обычная корабельная жизнь нарушится. Люди будут усталыми и голодными, всевозможные работы по кораблю, которые нужно выполнить рано или поздно, придется отложить. Такое положение нельзя сохранять долго – это опять-таки боевой резерв, который нельзя тратить без крайней надобности.

Есть и еще один довод: если постоянно требовать чересчур много без объяснения причин, некоторые, даже многие, начинают работать вполовину. Краузе знал это и по личным наблюдениям, и теоретически, по книгам, как врач знает о болезнях, которыми сам никогда не страдал. Он должен был делать скидку на человеческие слабости подчиненных, на ветреность человеческого ума. «Килинг» и так находился в режиме готовности номер два: личный состав почти на всех боевых постах, водонепроницаемые переборки задраены, несмотря на помехи, создаваемые этим для повседневных корабельных работ. Готовность номер два означает постоянную нагрузку, что плохо для корабля, но ее можно выдерживать сутками, а боевую тревогу – не больше нескольких часов.

Не стоит объявлять боевую тревогу из-за того, что «Джеймс» с «Виктором» преследуют контакт вдали от конвоя; до конца перехода таких рапортов о контактах могут быть еще десятки. Потому Краузе и ответил «нет» на невысказанный вопрос Карлинга. Взгляд, решение и ответ заняли не больше двух-трех секунд. Чтобы изложить все доводы словами, Краузе потребовалось бы несколько минут; минута-две – чтобы мысленно их сформулировать. Однако привычка и опыт позволяли решить быстро, а саму ситуацию он давно продумал заранее.

И все же он отметил про себя этот инцидент, даже если сразу перестал о нем думать. Факт, что Карлинг хотел объявить тревогу, добавился к мысленному досье Карлинга у Краузе в голове. В какой-то едва ощутимой мере это повлияет на то, насколько Краузе доверяет Карлингу как вахтенному офицеру, и может в конечном счете сказаться на «рапорте о годности», который Краузе будет составлять на Карлинга (если, разумеется, оба доживут до составления такого рапорта), и особенно на пункте о «годности к командованию». Крохотный инцидент, один из тысяч, составляющих сложное целое.

Краузе взял бинокль и направил на конвой. Из тесной рубки смотреть было неудобно, и он вышел на левое крыло мостика. И сразу в ушах засвистел норд-ост, дующий на этом курсе почти в лоб. Когда Краузе поднял к глазам бинокль, левую подмышку ожгло холодом. Если бы ему дали спокойно пробыть в каюте еще минуту, он успел бы надеть свитер и полушубок.

Они проходили мимо флагмана конвоя, старого пассажирского судна с более высокими надстройками, чем у остальных. Оно несло брейд-вымпел командира конвоя, пожилого британского адмирала, который вернулся из отставки с началом войны. Он нес свою трудную, монотонную, опасную и незаметную службу добровольно, как, разумеется, и должен был поступать, покуда есть силы, даже если это значило оказаться в подчинении у молодого кавторанга

другой страны. Сейчас его обязанностью было вести конвой в возможно более ровном строю и тем облегчить эскорту его защиту.

За флагманом неровными линиями шел остальной конвой: Краузе обвел его биноклем. Линии и впрямь были неровными, но уже не такими неровными, какими он увидел их с первым светом зари. Тогда третья колонна справа разорвалась, и последние три корабля (в этой колонне их было пять, в остальных по четыре) тянулись далеко в кильватере, полностью нарушив ордер. Теперь разрыв почти исчез. Очевидно, у судна номер три, норвежского «Короля Густава», ночью случилась поломка в машинном отделении и он отстал; радиомолчание и затемнение соблюдались строжайшим образом, а сигнальные флажки в темноте не видны, так что «Король Густав» не мог сообщить о ЧП и отставал все дальше, а значит – отставали и следующие за ним корабли. Надо думать, поломку устранили, и три корабля медленно возвращались на свои позиции. «Саутленд», идущий в кильватере «Короля Густава» (Краузе проверил название по списку вскоре после зари), сильно дымил, видимо, в попытке выжать еще пол-узла и быстрее сократить разрыв, да и некоторые другие корабли дымили больше допустимого. По счастью, при сильном ветре дым стелился низко и быстро рассеивался. При слабом ветре дымовое облако конвоя было бы видно миль за пятьдесят. Коммодор поднял флажный сигнал, почти наверняка тот самый, что часто поднимают на любом флоте, – «Меньше дымить».

Однако в целом состояние каравана можно было оценить как хорошее: всего три корабля сильно отстали, дым хоть и есть, но немного. Оставалось время быстро оглядеть «Килинг»; существенно, что первой заботой Краузе был конвой и лишь потом – собственный корабль. Он опустил бинокль и глянул в сторону носа. Ветер с каплями воды из-под водореза ударил прямо в лицо. Высоко над головой непрерывно вращалась плоская радарная антенна, а мачта из-за бортовой и килевой качки описывала перевернутые конусы всех мыслимых размеров. Впередсмотрящие стояли на своих постах, все семеро, и смотрели в установленные перед ними бинокли, медленно поворачивая их влево и вправо, прочесывая каждый свой сектор. Каждому раз в несколько секунд приходилось останавливаться и стирать с объективов брызги, летящие из-под носа корабля. Краузе ненадолго задержал взгляд на впередсмотрящих; Карлинг, занятый переходом на новую позицию, не мог уделить им внимания. Вроде бы все выполняли свои обязанности добросовестно. Иногда – как ни трудно в такое поверить – впередсмотрящие, устав от монотонной работы, несмотря на частые смены, теряют бдительность. Эту обязанность надо исполнять крайне тщательно, не отвлекаясь ни на секунду, – перископ немецкой подлодки показывается над водой на фут-два и от силы на полминуты, и хоть какой-то шанс его различить есть лишь при непрерывном наблюдении. Впередсмотрящий, заметивший вражеский перископ, может изменить судьбу конвоя. А если он увидит белый след несущейся торпеды, то успеет спасти «Килинг».

Дольше Краузе на крыле мостика оставаться не мог – половина эскорта уходила для боя с подводной лодкой, и надо было находиться рядом с междудовой рацией – руководить «Виктором» и «Джеймсом», если потребуется. Молодой Харт подошел к левому пелорусу снять для Карлинга курс. Краузе кивнул ему и вернулся в рубку. Относительное тепло сразу напомнило, что снаружи, без свитера и бушлата, он промерз до костей. Рация булькала и блеяла: «Джеймс» и «Виктор» переговаривались между собой.

- Пеленг три-шесть-ноль, – сообщил английский голос.
- Дистанцию можете измерить, старина? – спросил другой.
- Нет, черт возьми. Контакт слишком нечеткий. Вы его еще не засекли?
- Еще нет. Дважды прочесали этот сектор.
- Приближайтесь малым ходом.

С того места, где стоял Краузе, «Джеймс» – маленький, с низкими надстройками – был неразличим в дымке близкого горизонта. «Виктора», который был больше, выше и ближе, Краузе по-прежнему различал, но уже смутно. При такой плохой видимости и притом что

корабли быстро расходятся, он скоро потеряет из виду и поляка, хотя на экране радара тот будет читаться довольно отчетливо. В ушах внезапно раздался голос Карлинга: видимо, тот что-то говорил и раньше, но его слова не имели отношения к сиюминутной задаче, поэтому Краузе, занятый рацией, их не слышал.

– Право руля. Курс ноль-семь-девять, – сказал Карлинг.

– Есть право руля. Курс ноль-семь-девять, – отрепетовал Паркер.

Очевидно, «Килинг» был уже на новой позиции либо почти на ней. Он поворачивал практически кормой к «Виктору». Теперь расстояние между кораблями будет увеличиваться еще быстрее. Неожиданно «Килинг» резко накренился на правый борт; все заскользили по палубе, цепляясь за опоры. Повернув, эсминец оказался в подошве следующей волны без возможности на нее взобраться. Через долгую секунду он выровнялся и так же резко накренился на левый борт на проходящей под килем волне. Все заскользили в другую сторону, и Карлинг налетел на Краузе.

– Извините, сэр.

– Ничего страшного.

– На румбе ноль-семь-девять, – объявил Паркер.

– Очень хорошо, – ответил Карлинг и обратился к капитану: – Следующий зигзаг через пять минут, сэр.

– Очень хорошо, – ответил Краузе, в свою очередь.

По одному из его постоянных приказов-инструкций ему за пять минут сообщали о каждом предстоящем маневре конвоя. После поворота «Виктор» и «Джеймс» останутся у конвоя точно за кормой. «Джеймс» отделился от строя девять минут назад, сейчас он больше чем в трех милях от позиции, и с каждой минутой расстояние будет увеличиваться на четверть, а то и на половину мили. Максимальная скорость «Джеймса» при таком волнении не больше шестнадцати узлов. Если отозвать его сейчас, ему потребуется полчаса для возвращения на позицию – полчаса максимального расхода топлива. Каждая минута, на которую Краузе откладывает этот приказ, означает, что «Джеймс» будет догонять конвой на пять минут дольше. Другими словами, если протянуть еще пять минут, «Джеймс» вернется на позицию через час. Еще одно решение, которое надо принять.

– Джордж – Гарри, – сказал он в рацию.

– Слышу вас, Джордж.

– Как ваш контакт?

– Не очень хорошо, сэр.

Гидролокаторы печально известны своей ненадежностью. Есть вполне ощутимая вероятность, что «Джеймс» преследует не подлодку. Может быть, даже косяк рыб, но скорее слой более холодной или более теплой воды, учитывая, что гидролокатор «Виктора» ничего не обнаружил.

– Стоит продолжать поиски?

– Ну, сэр... думаю, да.

Если там и впрямь подлодка, немец уже понял, что его засекли. В таком случае он резко поменял курс, а сейчас маневрирует и меняет глубину; этим можно объяснить неудовлетворительный контакт. У немцев есть новое устройство, позволяющее оставить за лодкой скопление пузырей, которое гидроакустик примет за саму лодку. Может, есть какое-нибудь другое новое устройство, еще более вводящее в заблуждение. Так что там и впрямь может быть подлодка.

С другой стороны, если подлодка там есть и если отозвать «Джеймса» и «Виктора» сейчас, то всплыть она отважится не раньше чем через несколько минут. Ее командир не будет знать точно, где сейчас конвой, уходящий прямо от нее, и уж, безусловно, в такое волнение она не разовьет на поверхности больше шестнадцати узлов, а возможно, и шестнадцати не разовьет. За несколько минут преследования опасность подлодки для конвоя значительно снизи-

лась. Оставался вопрос, как воспримут решение Краузе его польские и британские подчиненные; они могут обидеться, что им не дали продолжить перспективную охоту, и это скажется позже, но в ответе на последний вопрос не слышалось энтузиазма, даже принимая в расчет британскую сдержанность.

– Вам лучше возвращаться, Гарри, – произнес Краузе ровным безличным голосом.

– Есть, сэр. – Тон ответа повторял его собственный.

– Орел, Гарри, возвращайтесь к конвою и займите прежние позиции.

– Есть, сэр.

Невозможно угадать, обиделись ли они на его решение.

– Коммодор сигналил смену курса, сэр, – доложил Карлинг.

– Очень хорошо.

Тихоходные караваны идут зигзагами не так, как быстрые, иначе переход бы чересчур затянулся. Курс меняют через большие интервалы времени, и капитаны торгового флота не сумели бы так долго сохранять позиции в сложном строю пеленга, принятом у быстроходных караванов, – им даже простые колонны и линии сохранять трудно. Соответственно, каждая смена курса означала медлительный поворот вправо или влево, всего на десять-пятнадцать градусов, но это была серьезная операция. Одно крыло должно было поддерживать скорость, другое – сбросить. От головных кораблей требовалось поворачивать плавно, и казалось, что следующие за ними суда так никогда и не усвоят простой принцип: перекладывать руль (например, вправо) надо ровно в то мгновение, когда корабль впереди завершил поворот. Пospешешь – окажешься с правого борта лидера и создашь угрозу для кораблей в правой колонне, замешкаешься – пойдешь напрямиком на суда левой колонны. В обоих случаях придется маневрировать обратно на позицию в колонне, а это непросто.

Более того, при общем повороте корабли на внешнем фланге должны были идти быстрее, чем на внутреннем. На практике это означало (поскольку корабли на внешнем фланге и так шли на максимальных оборотах), что корабли правой колонны должны сбросить скорость. Каждому капитану выдали большой, отпечатанный на мимеографе буклет со стандартными пропорциональными уменьшениями скорости для каждой колонны, но, чтобы эти инструкции выполнить, приходилось лихорадочно листать буклет, а найдя нужное место, производить быстрый расчет. И даже когда нужное число получено, неопытным машинистам трудно сбросить скорость ровно на указанную величину. А еще каждый корабль по-своему отзывался на перекладку руля, у каждого были свои элементы циркуляции.

За каждым поворотом конвоя следовал период неразберихи. Линии и колонны растягивались, что значительно увеличивало площадь, которую следовало охранять эскорту, кто-то отставал, а опыт показывал, что отставший от строя корабль почти наверняка потопят. Краузе вышел на правое крыло мостика и навел бинокль на конвой. Цепочка флажков на сигнальном фале флагмана как раз пошла вниз.

– Сигнал к исполнению, сэр, – доложил Карлинг.

– Очень хорошо.

Карлинг обязан был доложить, что флажки спущены, хотя Краузе и сам это видел. То был сигнал к маневру. Карлинг назвал рулевому новый курс, «Килинг» начал поворот, и Краузе пришлось вести биноклем вбок. Головное судно правой колонны в шести милях от эсминца удлинилось, а три «островка» его надстроек разошлись, поскольку теперь оно было видно почти с траверза. Тут «Килинг» сильно накренился, судно исчезло из поля зрения, и Краузе обнаружил, что смотрит на вздымающееся море; пришлось, балансируя, заново направить бинокль на конвой. Там уже началась неразбериха. Почти идеальная шахматная доска линий и колонн превратилась в мешанину случайно разбросанных судов: одни выходили из линии, другие пытались в нее вернуться, колонны сдвоились, задние напирали на передних. Краузе старался держать в поле зрения весь конвой, хотя дальние суда едва различались в дымке;

столкновение могло потребовать немедленных действий с его стороны. Пока он ничего такого не видел, но в центре определенно наблюдалось несколько опасных ситуаций.

Шли секунды, минуты. Фронт конвоя представлял собой ломаную линию. Колонн было не девять, как положено, а десять, одиннадцать, нет, двенадцать. На правой раковине флагмана появилось судно, которому там было не место. Несколько судов вполне ожидаемо обогнали головной корабль правой колонны. Если хотя бы одно из них не исполнило приказ в точности, не сбросило скорость в нужный момент, повернуло слишком рано или слишком поздно, десять других вынуждены были нарушить строй. На глазах у Краузе один из самых дальних кораблей повернулся к нему кормой. Кто-то по необходимости или по разгильдяйству описал полный круг, пытаясь вернуться на позицию, с которой его вытеснили. А где-то у края конвоя под серыми катящимися валами может быть немецкая подлодка. Отбившееся судно станет идеальной добычей для ее торпед, и ни один из кораблей эскорта не успеет прийти на помощь. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить⁵.

По фалам коммодорского корабля бежали флажные сигналы – очевидно, приказы выровнять строй. Неопытные люди пытались читать их в допотопные подзорные трубы, стоя на кренящейся палубе. Краузе повернулся к левой колонне за раковиной «Килинга». Там неразбериха была ожидаемо меньше. Краузе глянул дальше. В дымке на горизонте различалось пятнышко: это «Виктор» на всех парах спешил вернуться на позицию. «Джеймс» с его жалкими шестнадцатью узлами заметно отстал.

Когда Краузе снова повернулся в сторону конвоя, в глаз ему блеснула резкая вспышка, серия вспышек с коммодорского корабля. Тот сигнализировал прожектором, направленным прямо на «Килинг». Значит, сообщение для него. Л-Ю-Б... Краузе сбился; для него передача была слишком быстрой. Он глянул на своих сигнальщиков: те разбирали морзянку без труда, один диктовал буквы, другой записывал. Длинное сообщение, значит не очень срочное. И на спешные случаи есть более быстрая связь. Наверху мигнул сигнал подтверждения.

– Сообщение для вас, сэр, – доложил сигнальщик, подходя с блокнотом в руке.

– Читайте.

– «Комконвоя – комэскорта. Не могли бы вы любезно направить ваш корвет с правого фланга для помощи в восстановлении ордера конвоя? Был бы премного вам благодарен».

– Ответьте: «Комэскорта – комконвоя. Подтверждаю».

– «Комэскорта – комконвоя. Подтверждаю». Есть, сэр.

Видимо, комконвоя должен формулировать свой сигнал именно так: он обращается с просьбой к равному, а не отдает приказ подчиненному. Слова твои да будут немноги⁶, говорит Екклесиаст; офицеру, формулирующему приказ, следует держать в голове этот совет. Однако отставному адмиралу, когда тот обращается к командиру эскорта, следует помнить псалмы и стремиться, чтобы слова его были нежнее елей⁷.

Краузе вернулся к рации.

– Джордж – Дикки, – сказал он четким бесцветным голосом.

Ответ прозвучал сразу, что хорошо говорило о готовности «Доджа».

– Оставьте позицию, – приказал Краузе, – и... – Он прикусил язык, но тут же вспомнил, что обращается к канадскому судну, а значит, можно не опасаться непонимания, как в случае с «Джеймсом» и «Виктором», – подстегните конвой с правого фланга.

– Есть, сэр.

– Следуйте указаниям коммодора, – продолжал Краузе, – и верните отставших в строй.

⁵ 1 Петр. 5: 8.

⁶ Екк. 5: 1.

⁷ Пс. 54: 22.

- Есть, сэр.
- Прощупывайте гидролокатором тот фланг. Сейчас это самое опасное место.
- Есть, сэр.

Говорю одному: пойдя, и идет; и другому: придя, и приходит⁸. А как насчет «великой веры» сотника? «Додж» уже разворачивался к правому флангу. Однако следовало принять и другие меры. Фронт конвоя, и без того недостаточно защищенный, теперь был практически открыт для атаки. «Килинг» должен был курсировать вдоль всего пятимильного фронта, прочесывая гидролокатором сперва одну сторону, потом другую в смелой попытке выявить всех потенциальных врагов на пути конвоя, покуда «Додж» будет снова на правом фланге, его капитан – до хрипоты кричать в рупор на отбившихся от стада (слова мудрых – как иглы⁹), а гидроакустик – выискивать противника позади. Я был глазами слепому и ногами хрому¹⁰.

«Килинг» снова поворачивал, и Краузе перешел с левого крыла мостика на правое. Он хотел держать конвой под наблюдением, хотел сам оценить, когда «Додж» завершит свою задачу на правом фланге и когда «Виктор» сможет приступить к патрулированию фронта. Даже на крыле мостика, в вое ветра, Краузе различал (когда задумывался об этом) монотонное пиканье корабельного гидролокатора, посылающего импульсы в безответную воду. Звук этот слышался непрерывно, днем и ночью, так что ухо и мозг переставали его замечать, если не задуматься специально.

На коммодорском корабле снова мигал прожектор: новое сообщение. Краузе глянул на сигнальщики. Резкое хлопанье затвора на их прожекторе означало, что те не поняли и просят повторить. Краузе сдержал раздражение. Быть может, коммодор употребил витиеватую английскую любезность, которую сигнальщики не знают. Однако на сей раз сообщение прошло быстро, а значит, было коротким.

- Сообщение для вас, сэр.
- Читайте.

Сигнальщик, как и в прошлый раз, подошел с блокнотом в руке, но в голосе его слышалась легкая неуверенность.

- «Комконвоя – комэскорта», сэр. «ВЧРП...»

Вопросительная интонация в голосе сигнальщика и новая пауза.

– Да, ВЧРП, – резко ответил Краузе. Это означало высокочастотную радиопеленгацию; видимо, сигнальщик еще не сталкивался с этой аббревиатурой.

– «ВЧРП выявила иностранный радиообмен на пеленге ноль-восемь-семь, дистанция от один-пять до два-ноль миль», сэр.

Пеленг ноль-восемь-семь – это почти прямо по курсу конвоя. Иностранный радиообмен здесь, в Атлантике, мог означать только одно: немецкую подлодку в пятнадцати-двадцати милях отсюда. Левиафан, змей извивающийся¹¹. Нечто куда более определенное, чем неподтвержденный контакт «Джеймса». Как обычно, требовалось мгновенное решение, и, как обычно, надо было учесть два десятка факторов.

- Ответьте: «Комэскорта – комконвоя. Иду в атаку».
 - «Комэскорта – комконвоя. Иду в атаку». Есть, сэр.
 - Погодите. «Иду в атаку. Спасибо».
 - «Иду в атаку. Спасибо». Есть, сэр.
- Два шага – и Краузе в рубке.
- Я приму управление, мистер Карлинг.

⁸ Мф. 8: 9.

⁹ Екк. 12: 11.

¹⁰ Иов. 29: 15.

¹¹ Ис. 27: 1.

- Есть, сэр.
- Право помалу. Курс ноль-восемь-семь.
- Есть право помалу. Курс ноль-восемь-семь.
- Обе машины вперед самый полный. Двадцать два узла.
- Есть обе машины вперед самый полный. Двадцать два узла.
- Мистер Карлинг, объявите боевую тревогу.
- Боевая тревога. Есть, сэр.

Карлинг включил звонки боевой тревоги, и по всему кораблю раздался рев, способный разбудить покойника. Сейчас спящие подвахтенные вскочат с коек, каждый человек на корабле побежит к своему боевому посту, вверх по трапам устремится поток матросов. Кто-то стремительно натягивает одежду, кто-то бросает неоконченное письмо, кто-то хватается снаряжение. Сквозь рев прорвались слова рапорта:

- Машинное отделение отвечает: «Есть самый полный», сэр.

«Килинг» накренился на повороте. «Килинг-Качалинг» называли его матросы между собой.

- На румбе ноль-восемь-семь, – доложил Паркер.
- Очень хорошо. Мистер Харт, пеленг на коммодора?
- Мичман Харт сейчас стоял у пелоруса.
- Два-шесть-шесть, сэр! – отозвался он.

Практически точно за кормой. Пеленг по ВЧРП должен быть точным. Нет надобности прокладывать курс к предполагаемой позиции немецкой подлодки.

В рубку уже набились телефонисты и рассыльные – закутанные по-зимнему фигуры в касках. Краузе шагнул к рации:

- Орел, я иду по пеленгу ВЧРП курсом ноль-восемь-семь.
- Ноль-восемь-семь. Есть, сэр.
- Займите мою позицию как можно быстрее и прикройте фронт конвоя.
- Есть, сэр.
- Гарри, вы меня слышите?
- Слышу вас, Джордж.
- Прикройте левый фланг.
- Есть прикрыть левый фланг, сэр. Мы в четырех милях от последнего судна, сэр.
- Знаю.

Не меньше получаса, прежде чем «Джеймс» вернется на позицию, почти пятнадцать минут до того, как «Виктор» займет свою. Все это время конвой будет защищать только «Додж» на правом фланге. Риск был одним из двух десятков факторов, которые Краузе взвесил, получив сообщение коммодора. С другой стороны, показания ВЧРП очень надежны, так что впереди точно есть враг. Плохая видимость скроет «Килинг», но не мешает его радарам. Надо загнать противника под воду, надо его потопить. Даже в двадцати милях впереди «Килинг» будет для конвоя какой-никакой защитой.

Лейтенант Уотсон, штурман, доложил, что пришел сменить Карлинга. Двух фраз хватило, чтобы объяснить ему обстановку.

- Есть, сэр.
- Красивые голубые глаза Уотсона блеснули из-под каски.
- Я взял управление на себя, мистер Уотсон.
- Есть, сэр.
- Рассыльный, мою каску.

Краузе надел ее – так требовалось, но одновременно вид тепло одетых людей вокруг напомнил ему, что он по-прежнему в кителе и за время, проведенное на крыле мостика, продрог до костей.

- Спуститесь в мою каюту и принесите оттуда полушубок.
- Есть, сэр.

Из штурманской по переговорной трубе доложил старпом. Там был оборудован доморощенный боевой информационный центр по типу тех, что ставились на большие корабли. В ту пору, когда «Килинг» спускали на воду, гидролокация была в зачаточном состоянии, а радар еще, наверное, и не придумали. С лейтенантом-коммандером Коулом Краузе связывала давняя дружба.

Краузе изложил ему ситуацию:

- В любую минуту вы можете увидеть ее на радаре.
- Да, сэр.

«Килинг» вибрировал, несясь вперед на всех парах. Он кренился и вздрагивал, рассекая носом волну. Однако волны накатывали достаточно регулярно и еще не достигли той формы, при которой мешали бы кораблю сохранять нынешнюю высокую скорость. В восемнадцати милях впереди или ближе находилась всплывшая немецкая подлодка, радарная антенна могла засечь ее в любой момент, все боевые посты отчитались о готовности. Люди, которых оторвали от личных дел, даже те, кому пришлось бросить обычную работу по кораблю и бежать на посты, не знали, из-за чего тревога. В машинном отделении сейчас наверняка гадают, почему приказано дать самый полный ход. Расчеты у пушек и стеллажей с глубинными бомбами надо предупредить, чтобы были готовы действовать в любой момент. Секунду-две на это потратить можно. Краузе шагнул к устройству громкой связи. Дежуривший там боцманмат при виде капитана положил руку на переключатель. Краузе кивнул. По всему кораблю разнеслись слова:

- Всем внимание, говорит капитан.

Он говорил ровным голосом; по этому бесцветному голосу никто бы не догадался, что внутри него бурлит волнение, которое прорвалось бы наружу, позволь себе Краузе хоть на миг ослабить всегдашний самоконтроль.

– Мы преследуем немецкую подлодку. Каждый должен быть готов к немедленным действиям.

Чувство было такое, словно весь корабль пробила дрожь возбуждения. Когда Краузе повернулся, все глаза в тесной рубке были устремлены на него. Воздух как будто наэлектризовался суровой яростью. Они на всех парах неслись убивать, а может быть – навстречу собственной смерти, хотя большинство в рубке не думало ни о том ни о другом – только что впереди у «Килинга» бой, что они либо потопят немецкую подлодку, либо нет.

Что-то назойливо лезло Краузе в глаза. Ах да, полушубок. Молодой рассыльный принес его из каюты и теперь протягивал капитану. Краузе потянулся к полушубку.

- Капитан!

Краузе метнулся к переговорной трубе.

- Цель на пеленге ноль-девять-два. Дистанция пятнадцать миль.

Голос Чарли Коула был непритворно спокойным. Он произносил слова с неторопливой тщательностью заботливого родителя, говорящего с возбудимым ребенком, хотя вовсе не считал, что Краузе – возбудимый ребенок.

- Право помалу. Курс ноль-девять-два, – сказал Краузе.

У штурвала теперь стоял рулевой первого класса Макалистер, тощий низкорослый техасец; Краузе был его дивизионным офицером еще в старые дни на «Гембле». Макалистер давно стал бы старшиной, если бы не пара нехороших случаев в Сан-Педро в начале тридцатых. По тому, как сухо Макалистер отрепетовал приказ, никто бы не угадал, что во хмелю его не удержишь. Тянет в драку.

- На румбе ноль-девять-два, – сообщил Макалистер, не сводя глаз с репитера.
- Очень хорошо.

Краузе вновь повернулся к переговорной трубе:

– Что можете сказать о цели?

– Прямо по курсу, сэр. Видно не очень четко.

Эти радары «Сладкий Чарли»¹² были очень плохи. Краузе слышал про новый радар, «Сладкого Джорджа», и, хотя никогда его не видел, страстно мечтал о таком для «Килинга».

– Маленькая, – продолжал Чарли Коул. – Низкая.

Немецкая подлодка, вне всяких сомнений. И «Килинг» несется к ней со скоростью двадцать два узла. Мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор¹³. Радист комконвоя очень большой молодец, если так точно оценил расстояние по силе сигнала.

– Пеленг немного меняется, – сказал Чарли Коул. – Ноль-девять-три. Нет, ноль-девять-три с половиной. Дистанция четырнадцать миль. Должно быть, она практически на встречном курсе.

Дистанция сократилась на милю за минуту шестнадцать секунд. Как и сказал Чарли, подлодка, вероятно, идет прямо навстречу «Килингу». Ад преисподней пришел в движение ради тебя, чтобы встретить тебя при входе твоём¹⁴. Еще пять миль за семь минут – уже меньше чем за семь, – и она будет в радиусе поражения пятидюймовок. Однако у «Килинга» всего два орудия, способных бить прямо по курсу. Лучше не открывать огонь на пределе дальности. При сильном волнении, быстро меняющейся дистанции и сомнительной точности радара вероятность попасть первым же залпом из двух орудий очень мала. Лучше выждать и дожидаться, когда «Килинг» вылетит из тумана и обнаружит противника на виду на малой дистанции.

– Дистанция тринадцать миль, – сказал Чарли. – Пеленг ноль-девять-четыре.

– Право помалу, – скомандовал Краузе. – Курс ноль-девять-восемь.

Судя по всему, подлодка шла прежним курсом. Повернув, «Килинг» пойдет на перехват, и цель будет у него по левому борту, а не прямо по носу. И затем потребуются лишь небольшой дополнительный поворот, чтобы навести на нее и кормовые орудия.

– На румбе ноль-девять-восемь, – сообщил Макалистер.

– Очень хорошо.

– Прекратить шум! – внезапно рявкнул Уотсон.

Он гневно смотрел на телефониста, девятнадцатилетнего младшего матроса, насвистывающего в микрофон, который держал перед собой. По тому, как виновато вздрогнул телефонист, было видно: он и не подозревал, что насвистывает. Однако резкий окрик Уотсона прозвучал в напряженной атмосфере рубки, словно пистолетный выстрел.

– Дистанция двенадцать миль, – сказал Чарли. – Пеленг ноль-девять-четыре.

Краузе повернулся к телефонисту:

– Капитан – артиллерийскому офицеру. «Не открывайте огонь без моего приказа, если только не увидите противника».

Телефонист нажал кнопку на микрофоне и повторил приказ. Краузе внимательно слушал. Приказ был не идеальный, но единственно возможный в данной ситуации, и можно было положиться на Фипплера, что тот поймет правильно.

– Артиллерийский офицер ответил: «Есть, сэр», – сказал телефонист.

– Очень хорошо.

Мальчишка – недавний призывник, только что из учебки, однако на него возложена обязанность передавать сообщения, от которых, возможно, зависит исход боя. Но на эсминце мало постов, не требующих ответственности, и корабль должен сражаться, даже если на его борту семьдесят пять новобранцев. По крайней мере, у телефониста законченное среднее образова-

¹² «Сладкими Чарли» называли радары марки SC, «Сладкими Джорджами» – радары марки SG. Они работали в S-диапазоне (SC на пятидесятисантиметровых волнах, более поздние SG – на десятисантиметровых) и предназначались для обнаружения надводных судов.

¹³ Ис. 28: 15.

¹⁴ Ис. 14: 9.

ние – минимальное требование для его поста. И только время покажет, отвечает ли он остальным требованиям – сможет ли исполнять свой долг среди мертвых и раненых, будет ли передавать приказы без запинки среди огня и разрушения.

– Дистанция двадцать тысяч, – сказал телефонист. – Пеленг ноль-девять-четыре.

Это знаменовало важный момент. То, что дистанцию называют в тысячах ярдов, а не в милях, означает, что враг почти в пределах максимальной дальности пятидюймовок. Краузе видел, как орудия поворачивают, готовясь мгновенно открыть огонь. Чарли разговаривал по внутрикорабельной связи с КП артиллерийской части и капитаном. А пеленг по-прежнему не менялся; «Килинг» шел курсом столкновения с подлодкой. Решающий момент близился. Какова видимость? Семь миль? Двенадцать тысяч ярдов? Очевидно, что-то около того. Но на эту оценку нельзя полагаться: где-то туман реже, где-то плотнее. В любое мгновение подлодка может показаться там, куда указывают орудия, и тогда снаряды полетят в цель. Подлодку надо уничтожить прежде, чем ее команда при виде эсминца успеет спуститься и задраить за собой люк, прежде чем она погрузится, выставит над собой щит из ярда воды, непроницаемый для снарядов «Килинга», как ярд стали, и вооружится невидимостью. Укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев¹⁵.

– Дистанция один-девять-ноль-ноль-ноль. Пеленг устойчивый ноль-девять-четыре, – сказал телефонист.

Устойчивый пеленг. Эсминец и подлодка сближаются почти с максимальной возможной скоростью. Краузе оглядел тесную рубку, напряженные лица в тени касок. Молчание и неподвижность свидетельствовали о хорошей дисциплине. Впереди комендоры сорокамиллиметрового орудия правого борта смотрели туда, куда указывали пятидюймовки. Их наверняка обдавало брызгами из-под носа «Килинга», но никто не прятался. В позах чувствовался азарт.

– Дистанция один-восемь-пять-ноль-ноль. Пеленг устойчивый ноль-девять-четыре.

Тишина еще больше впечатляла из-за того, что впервые за полтора суток умолкло пиканье гидролокатора. На скорости в двадцать два узла гидроакустика бесполезна.

– Дистанция один-восемь-ноль-ноль-ноль. Пеленг устойчивый ноль-девять-четыре.

Можно открывать огонь. Пятидюймовки застыли, устремив дула высоко за серый горизонт. Одно слово – и они выбросят снаряды вперед и вверх. Есть вероятность, что хотя бы один попадет в корпус подлодки. Одного хватит. У Краузе есть шанс. И если этот шанс упустить, вина будет на нем.

– Дистанция один-семь-пять-ноль-ноль. Пеленг устойчивый ноль-девять-четыре.

На мостике подлодки должен быть офицер и один-два матроса. Снаряд обрушится на них из тумана; только что они были живые, а в следующую секунду уже погибнут, даже не поняв, что произошло. Под ними в рубке немцы будут оглушены, ранены, отброшены к переборкам; в других отсеках команда услышит грохот, ощутит толчок, зашатается вместе с содроганиями лодки, с ужасом увидит хлещущую в пробоины воду – все это в последние мгновения до того, как лодка затонет, пуская огромные пузыри вытесненного водой воздуха.

– Дистанция один-семь-ноль-ноль-ноль. Пеленг устойчивый ноль-девять-четыре.

С другой стороны, оба снаряда могут упасть в море в полумиле от подлодки. Всплески будут ясным предупреждением. До следующего залпа она уйдет под воду – невидимая, недосягаемая, смертоносная. Лучше дожидаться полной уверенности. Это всего лишь радар «Сладкий Чарли».

– Дистанция один-шесть-ноль-ноль-ноль. Пеленг устойчивый ноль-девять-четыре.

Теперь в любую секунду. В любую секунду. Начеку ли впередсмотрящие?

– Цель исчезла, – сообщил телефонист.

¹⁵ Ис. 36: 20.

Целых две секунды Краузе тарашился на него, не понимая услышанного. Однако телефонист твердо выдержал капитанский взгляд; он полностью осознавал, что сейчас произнес, и не собирався брать свои слова обратно. Краузе метнулся к переговорной трубе:

- Что там, Чарли?
- Боюсь, она погрузилась, сэр. Похоже по тому, как исчез эхосигнал.
- Это не радар сломался?
- Нет, сэр. Никогда он так отлично не работал.
- Очень хорошо.

Краузе отвернулся от переговорной трубы. Люди в рубке переглядывались из-под касок. По их позам, даже в громоздкой теплой одежде, было видно, что все разочарованы: они как будто обмякли, просели в своих толстых коконах. Все смотрели на капитана. Две с половиной минуты в его власти было открыть огонь по всплывшей немецкой подлодке; каждый офицер ВМФ США мечтал о такой возможности, и он ее упустил. Но времени сожалеть не было; некогда было гадать, есть ли в этих взглядах укоризна. Многие требовалось сделать. Много решений принять.

Краузе глянул на часы. «Килинг» был примерно на семь миль впереди своей позиции в завесе. «Виктор», должно быть, уже там, пытается прочесывать гидролокатором пять миль фронта. Конвой наверняка выстроился, «Додж» на правом фланге свободен нести противолодочную службу, «Джеймс» быстро подходит к другому флангу. Тем временем «Килинг» по-прежнему несется прочь от них со скоростью двадцать два узла. А противник? Что делает противник?

- Они не могли нас увидеть, сэр, раз мы их не видели.
- Возможно, – ответил Краузе.

Впередсмотрящие «Килинга» стояли высоко наверху; если бы они различили подлодку, с нее были бы видны лишь верхние части надстроек «Килинга». Однако видимость – дело случая. Есть крайне малая вероятность, что в одном направлении она лучше, чем в другом, и что с подлодки их заметили раньше, чем они ее увидели. И она сразу погрузилась.

Однако возможны и другие теории, без числа. На подлодку могли поставить радар – все ждали, что это рано или поздно произойдет, так что, может, как раз и произошло. Это будет обсуждать разведка ВМС, когда получит рапорт. А может, подлодке сообщили местоположение и курс конвоя, и она ушла на перископную глубину сразу, как оказалась точно на его пути, – ее курс до исчезновения с радара был явно проложен на перехват каравана. Хорошая тактическая вероятность, скорее всего, самая правдоподобная. Впрочем, не исключены и другие объяснения. Может, лодка погрузилась по какой-нибудь штатной причине. Например, командир проводил учения. Или еще банальнее: пришло время обеда, кок сказал, что не может готовить, пока лодку швыряет по волнам, и командир решил погрузиться ниже уровня волнения. Любая гипотеза возможна, лучше не останавливаться на одной, а просто помнить, что примерно в восьми милях впереди находится немецкая подлодка. И быстро решить, что делать дальше.

Первое и главное: надо подвести «Килинг» как можно ближе к немцу, на дальность действия гидролокатора. Значит, пока следует идти полным ходом. Место, где погрузилась лодка, известно; оттуда она может идти со скоростью два узла, четыре узла, восемь узлов. На карте в штурманской окружности будут расходиться, как круги от брошенного камня. Подлодка будет внутри самой большой окружности. За десять минут она легко проделает милю. Площадь круга диаметром в милю – около трех квадратных миль. Чтобы тщательно прочесать три квадратных мили, нужен час, а за час внешняя окружность отодвинется и будет охватывать сто квадратных миль.

Вряд ли немец задержится там, где погрузился. Он движется куда-то, в каком-то направлении, по одному из трехсот шестидесяти расходящихся от центра лучей. Однако вроде бы разумнее всего допустить, что под водой он идет тем же курсом, что на поверхности. Даже

просто немецкая подлодка, рыщущая по Атлантике в поисках добычи, не мечется бесцельно: она проходит большой отрезок в одну сторону, потом большой – обратно. Если немец погрузился по какой-то штатной причине, он почти наверняка сохранит прежний курс. Если он погрузился для атаки, то опять-таки почти наверняка сохранит прежний курс, учитывая, что конвой именно в той стороне. Если он идет любым другим курсом, искать его с одним кораблем бесполезно. «Бесполезно» – единственное верное слово. Не «трудно», не «утомительно», не «почти невозможно», а именно «бесполезно».

Так стоит ли вообще пытаться восстановить контакт? Если ни подлодка, ни «Килинг» не повернут, их курсы пересекутся минут через десять. Конвой идет следом, значит «Килинг» может вести поиски, а его возвращение на позицию затянется немногим больше чем на эти десять минут. Альтернатива – прямо сейчас вернуться в заслон и надеяться, что подлодка угодит в засаду. Оборона или нападение? Меры или контрмеры? Вечная проблема военных. Есть резон попытаться атаковать, есть резон провести поиск – так хладнокровно решил Краузе, стоя в тесной рубке под устремленными на него взглядами подчиненных. Ищущий обрящет¹⁶.

– Дайте мне курс на пересечение, если цель делает шесть узлов прежним курсом, – сказал он в переговорную трубу.

– Есть, сэр.

Курс будет очень мало отличаться от нынешнего. На поверхности подлодка делала узлов двенадцать. Краузе мог бы довольно точно прикинуть в уме.

– Курс ноль-девять-шесть, – сообщила труба.

Незначительная поправка, но при такой скорости она за десять минут даст расхождение в милю. Краузе отдал приказ рулевому, затем вновь повернулся к трубе.

– Предупредите меня, когда останутся две мили, – сказал он.

– Есть, сэр.

– На румбе ноль-девять-шесть, – сказал Макалистер.

– Очень хорошо.

Еще минут девять. Лучше сообщить команде, что происходит. Он снова заговорил по громкой связи.

– Подлодка нырнула, – произнес он в безразличный аппарат. – Вернее, по всей видимости, нырнула. Мы ее ищем.

Человек более чуткий, чем Краузе, наделенный телепатическими способностями оратора, возможно, ощутил бы атмосферу разочарования, охватившего корабль после его слов. Он снова глянул на часы и вышел на крыло мостика. Норд-ост, еще усиленный двадцатидвухузловой скоростью корабля, чуть не сбивал с ног, брызги обдавали ледяным дождем. На корме несчастные у бомбосбрасывателей жались к надстройке; хорошо, что по боевому расписанию они часто сменяются. Он поднял бинокль. В тумане смутно угадывалась характерная фокмачта «Виктора», кусочек чуть более плотного серого среди общей серости. Больше с кренящегося мостика в сплошной пелене брызг ничего различить не удалось, хотя Краузе и обвел биноклем весь горизонт. Радар сообщил бы, где конвой, но ему было нужно другое. Он хотел своими глазами увидеть поле сражения, на случай если по немыслимо счастливому стечению обстоятельств подлодка окажется между «Килингом» и «Виктором». Он повернулся и заново обвел биноклем горизонт; та же серая мгла, та же нечеткая граница между небом и водой. Но если подлодка всплывет на расстоянии дальности сорокамиллиметровок, ее мостик будет хорошо виден и вперёдсмотрящим, и комендорам, и командиру артчасти.

Краузе, глядя на часы, вернулся в рубку. Рассыльный бросился к нему, по-прежнему держа полушубок, за которым Краузе послал давным-давно. Давным-давно? Не так уж и давно, считая в минутах. Он сунул руки в рукава, и тяжелый полушубок прижал одежду к телу. Краузе

¹⁶ Мф. 7: 8.

промерз, но одежда при сорокаузловом ветре промерзла еще сильнее. Его затрясло. Это было невыносимо. Руки, ноги, все тело окоченело, зубы стучали. Идиотизм – выйти на мостик без теплой одежды; он даже свитер под китель не надел. Поймай он на такой глупости мичмана Харта, устроил бы тому выволочку. Даже и сейчас Краузе не был одет как следует; не доставало свитера, перчаток и шарфа.

Он кое-как совладал со стучащими зубами и в относительном тепле рубки обнял себя поверх полушубка, пытаясь скорее согреть оживающим телом толстое шерстяное белье. Сейчас надо будет послать за остальной одеждой. Тут его позвала переговорная труба.

– Две мили, сэр.

– Очень хорошо. – Он повернулся, от холода не в силах выговорить стандартную фразу целиком. – Средний ход.

– Есть средний ход, – отрепетовал вахтенный у телеграфа. – Машинное отделение отвечает: «Есть средний ход».

Это ощутилось мгновенно. Вибрация исчезла, сменившись более размеренной дрожью, которая по контрасту воспринималась почти как плавная. Теперь «Килинг» не рассекал с разбегу бьющие в нос волны, а переваливал через них, так что опять-таки по контрасту его движение казалось почти скользящим.

– Включить гидролокатор, – приказал Краузе.

Не успел он договорить, как раздалось первое «бип», затем второе, третье, четвертое, так что ухо, давно привыкшее к этому звуку, скоро бы перестало его замечать, если бы сейчас все в рубке не прислушивались к нему, гадая, обнаружит ли акустик противника. Каждое «бип» – импульс, прощупывающий темную воду в поисках врага, что крадется в глубине; луч медленно смещается вправо, затем медленно влево, ни на миг не прекращая поиска. Это ухо слышащее из двенадцатого стиха двадцатой главы Притч, сменившее глаз видящий радара.

Было ли последнее «бип» немного иным? Очевидно, нет, поскольку сообщения не последовало. За локатором сидел акустик первого класса Том Эллис. Он окончил школу акустиков на базе Ки-Уэст и был на корабле с начала войны. Очевидно, его хорошо подготовили. Все эти месяцы он слушал пиканье гидролокатора, слушал каждую свою вахту все время, что «Килинг» провел в море. Это не означает, что он как специалист стал лучше с тех пор, как выпустился из школы; возможно, наоборот. В Ки-Уэст он прошел краткий курс: слушал эхо дружественных субмарин, учился отличать вариации тона, когда субмарина меняет курс под водой, отсидел пару лекций о контрмерах противника, а затем его отправили в море слушать эхо. И ни разу с тех пор он этого эха не слышал, импульс локатора ни разу не вернулся к нему отраженным от подводной лодки, дружественной или вражеской; у него не было случая освежить опыт, и уж точно он не играл в смертельные прятки с противником. Вполне возможно, что сейчас он не узнает эхо, даже если услышит, или не сможет сделать по звуку выводы, необходимые для успеха атаки. Глубинная бомба, сброшенная в десяти ярдах от цели, может принести победу, та же бомба в двадцати ярдах точно не причинит противнику вреда. Разница между десятью и двадцатью ярдами определяется в том числе разницей между быстрой реакцией опытного акустика и медлительностью неопытного.

И это еще если не принимать в расчет вопрос возможного мандража. Пока неизвестно, нервный Эллис или хладнокровный, а это не то же самое, что трусливый и храбрый. Человек может запаниковать от одной мысли о неудаче, даже не задумываясь еще о разное со стороны дивизионного офицера или капитана. Ловкие становятся неуклюжими, сообразительные – тугодумами оттого лишь, что многое зависит от точности движений и быстроты решений. Эллис не может не знать, что успех или неудача зависят исключительно от него, от того, как он поворачивает верньер и какие выводы сделает из характера эха. От такого могут одеревенеть мозги, пальцы или то и другое. И дело не в том, что в случае неуспеха торпеда может уничтожить и Эллиса, и его прибор. Настоящая трусость встречается куда реже идиотизма, так же

как хладнокровных людей много меньше, чем просто храбрых. Краузе постарался вспомнить Эллиса – светловолосого молодого человека самой обычной внешности, если не считать легкого косоглазия. За все время он говорил с Эллисом от силы раз десять, в основном на инспекциях. Несколько фраз от молодого моряка, замершего по стойке «смирно» и неотличимого от других в шеренге, ничего не говорили о человеке, от которого теперь зависело все.

Секунды ползли, «Килинг» качался с борта на борт и с носа на корму, преодолевая волны, Краузе балансировал на кренящейся палубе в тишине рубки – тишине, несмотря на вой ветра и грохот валов снаружи. Слова телефониста прозвучали совершенно неожиданно:

– Локатор докладывает контакт.

Телефонист был приземистый, коренастый, с кривым носом; непомерно большая каска (чтобы помещались наушники) придавала ему сходство с гномом.

– Очень хорошо.

Общее напряжение удвоилось. Уотсон сделал шаг вперед, другие переступали с ноги на ногу. Нет надобности отвлекать Эллиса вопросами, это может выбить его из колеи. Пока противоположное не доказано, надо считать, что Эллис знает свои обязанности.

– Контакт на пеленге ноль-девять-один, – сообщил телефонист.

Что ж, первую проверку Эллис прошел.

– Дистанция неопределенная.

– Очень хорошо.

Краузе не смог выдавить из себя ничего другого. Он испытывал то же напряжение, что и остальные, чувствовал учащенное биение сердца и внезапную сухость во рту. Он глянул на Уотсона и указал большим пальцем, зная, что руки задрожат, если не следить за собой. Охотничья лихорадка, вот что это такое. Уотсон метнулся к репитеру и отдал приказ Макалистеру, глядящему на репитер компаса.

– Контакт прямо по курсу, сэр, – доложил телефонист. – Дистанция по-прежнему неопределенная.

– Очень хорошо.

Телефонист молодец. Каждое слово произносит четко, без выражения. Словно школьник повторяет вы зубренное без всякого понимания. Эмоции у телефониста – крайне нежелательное качество.

– Контакт прямо по курсу, сэр, – повторил телефонист. – Дистанция две тысячи.

Значит, они идут напрямиком на подлодку. Краузе держал в руке часы: секундная стрелка бежала так быстро, что трудно было снимать отсчет.

– Дистанция тысяча девятьсот ярдов.

Сто ярдов за четырнадцать секунд? Притом что «Килинг» делает двенадцать узлов? Что-то абсолютно невозможное. Как раз за это время «Килинг» должен был пройти те самые сто ярдов, а подлодка вряд ли стоит на месте. Любое другое число было бы более многообещающим. Оценки дистанции целиком зависят от слуха Эллиса. Они могут быть кардинально неверны.

– Дистанция тысяча восемьсот ярдов.

– Очень хорошо.

– Контакта нет, сэр. Контакт утерян.

– Очень хорошо.

Если телефонист повторяет за Эллисом слово в слово, можно считать, что Эллис не запаниковал. По крайней мере, пока.

– Капитан – локатору. «Ищите слева по носу».

Телефонист отпустил кнопку:

– Локатор отвечает: «Есть, сэр».

– Очень хорошо.

Что это был за контакт? Какой-то случайный эффект от холодного слоя? Пилленверфер¹⁷, оставленный подлодкой? А может, и настоящий контакт, утраченный из-за какой-то помехи. Важно, что контакт установлен почти там, где ожидалось исходя из данных радара. В таком случае подлодка шла курсом под небольшим углом к курсу «Килинга» в направлении от его левого борта к правому. Наиболее вероятно, что она сохранила этот курс после выброса пилленверфера, но не исключено, что она очень медленно двигалась поперек носа «Килинга» (так медленно, что дистанция какое-то время оставалась постоянной), а затем совершила резкий маневр уклонения, ушла вниз и повернула. Куда? Локатор продолжал медленно пикать, минуты уходили, бесценные минуты. Пять минут означали, что «Килинг» сейчас в последней назначенной позиции и что подлодка в полумиле от него, если не больше. Еще это могло означать, что она наводит торпеду в брюхо «Килинга».

– Локатор докладывает контакт, сэр. Левый траверз, дистанция неопределенная.

Значит, он ошибся в предположении, что лодка шла прежним курсом и сейчас справа. Однако времени думать об этом не было.

– Лево на борт.

– Есть лево на борт, – ответил Макалистер.

Ужасно хотелось прибавить скорость, бросить «Килинг» по пеленгу нового контакта, но это было бы неразумно. Даже теперешняя черепашья скорость была на пределе той, при которой может работать гидролокатор.

– Докладывайте пеленги в курсовых углах, – приказал он.

– Контакт слева пять-ноль, сэр.

– Очень хорошо.

«Килинг» поворачивал; к моменту возвращения эха он еще не указывал носом на прежнее положение лодки.

– Контакт справа ноль-пять, сэр. Дистанция тысяча двести ярдов.

Превосходно. «Килинг» ползет с черепашьяй скоростью, но подлодка движется еще медленнее.

– Контакт справа один-ноль. Дистанция тысяча двести ярдов.

Подлодка тоже поворачивает. В погруженном состоянии циркуляция у нее будет значительно меньше, чем у «Килинга».

– Право на борт.

– Есть право на борт.

Скорость наверху против маневренности внизу. Но при круто повернутом руле «Килинг» будет терять скорость; возможности противников уравниваются. Сплошная масса воды перелестывала через низкий шкафут «Килинга», накренившегося на повороте.

– Контакт справа один-ноль. Дистанция устойчивая тысяча двести ярдов.

– Очень хорошо.

Они поворачивают синхронно. Волнение снижало маневренность «Килинга»; недолгое затишье дало бы ему шанс повернуться резче.

– Дистанция тысяча сто ярдов.

Они сближались с подлодкой.

– Курсовой? – рявкнул Краузе и тут же пожалел о своем вопросе. Телефонист может лишь повторять то, что слышит в наушниках.

– Курсовой справа один-ноль.

– Очень хорошо.

¹⁷ Пилленверферы – химические снаряды, начиненные углекислотным соединением, которое вступало с морской водой в бурную химическую реакцию, так что получалось облако пузырьков, дающее такое же эхо, как субмарина.

Пеленг постоянный, дистанция сокращается. Большая скорость «Килинга» побеждает меньшую циркуляцию подлодки. Скоро... скоро «Килинг» пройдет поперек ее курса, пройдет над ней, уничтожит ее.

– Контакт справа ноль-пять. Дистанция тысяча.

Дистанция и курсовой меньше! «Килинг» лучше слушается руля. Победа ближе, чем он думал. Сейчас «Килинг» неся по белой воде: он, описав полный круг, пересекал собственный кильватерный след.

– Контакт справа ноль-пять. Дистанция тысяча сто ярдов. Уходит, сэр.

– Лево на борт! – гаркнул Краузе.

Подлодка его обдурила. В момент последнего доклада она поворачивала в противоположную сторону и сейчас идет совершенно другим курсом, а «Килинг» по-прежнему отворачивается от нее. Она наверстала свои сто ярдов и наверстает еще, прежде чем «Килинг» успеет повернуть. Макалистер яростно крутил штурвал. «Килинг» накренился, вода вновь переклестнула через борт.

– Контакт слева один-ноль. Дистанция тысяча двести.

Подлодка уходит. Она сполна использовала свою превосходящую маневренность и то, что известие о ее повороте доходит до противника с опозданием. «Килинг» получает скудные сведения, да и те медленно, так что выводы могут оказаться ложными – мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем¹⁸; немцу хорошо известны слабости «Килинга».

– Контакт слева один-пять. Дистанция неопределенная.

– Очень хорошо.

Абсолютно точно немец его обдурил: выиграл расстояние и увеличил курсовой угол. Три минуты назад Краузе поздравлял себя с тем, что настигает подлодку, теперь ему страшно, что она уйдет совсем. Однако «Килинг» быстро поворачивал.

– Контакт слева один-пять. Дистанция неопределенная.

– Очень хорошо.

Руль был вывернут до предела, «Килинг» вращался, словно ловя свой хвост. Наблюдателю, не знающему о смертельной схватке с невидимым врагом, аналогия с котенком показалась бы самой близкой.

– Контакт слева один-пять. Дистанция тысяча двести ярдов.

Вот она, мера того, что он проиграл. Если его обдурят еще раза два, они с подлодкой вполне могут оказаться на противоположных курсах и она уйдет до того, как он завершит следующий поворот. Телефонист громогласно чихнул раз, другой. Теперь все смотрели на него. Исход боя зависел от того, справится он с собой или нет; чихание одного матроса способно изменить судьбу империй. Телефонист выпрямился и нажал кнопку:

– Повторите.

Все ждали, когда он снова заговорит.

– Контакт слева один-три. Дистанция тысяча сто ярдов.

Значит, «Килинг» сокращает разрыв.

– Это повторится? – спросил Краузе.

– Нет, сэр. Не думаю, сэр.

Телефонист вытащил носовой платок, но не пытался высморкаться – мешал микрофон. Если он снова расчихается, лучше бы его сменить. Краузе решил, что пока рискнет его оставить.

– Контакт слева один-один. Дистанция тысяча.

– Очень хорошо.

¹⁸ 1 Кор. 13: 9.

У подлодки тоже есть свои слабости, и они сказываются. Увеличив разрыв с «Килингом», она теперь шла по более широкой дуге, и «Килинг» мог поворачивать вместе с ней, восстанавливая утраченное равновесие. Подлодка и эсминец вновь вращались друг вокруг друга, как планета и спутник. Равновесие может нарушиться, только если подлодке повезет и контакт разорвется или если «Килинг» благодаря умелому управлению сблизится с противником. А время работает на обе стороны: если погоня затянется, у подлодки могут сесть аккумуляторы и закончиться воздух, но и «Килинг» может оказаться так далеко от конвоя, что вынужден будет вернуться. Игра в салки, игра в прятки, но такая игра, где ставка – жизнь.

– Контакт слева один-один. Дистанция тысяча.

– Очень хорошо.

Эсминец и подлодка кружат друг вокруг друга. Пока эта ситуация сохраняется, преимущество у «Килинга». Время на его стороне: аккумуляторы подлодки не вечные, и шансы, что «Килинг» рано или поздно ее догонит, выше, чем шансы, что подлодка все-таки ускользнет. Как и в прошлый раз, сейчас настал момент, когда подлодка должна что-нибудь предпринять.

– Контакт слева один-один. Дистанция устойчивая тысяча.

– Очень хорошо.

Краузе принял внезапное решение:

– Право на борт.

Пауза в пятую долю секунды перед ответом Макалистера; едва уловимая нотка удивления или протеста в его голосе. Могло сложиться впечатление, будто «Килинг» выходит из боя. Макалистер вращал штурвал по часовой стрелке. «Килинг» вздрогнул, накренился на борт и черпнул тысячу тонн воды, резко гася вращение и меняя его на противоположное.

Двое детей бегут вокруг стола, один гонится за другим. Старая как мир стратегия для преследователя: развернуться, чтобы преследуемый вбежал напрямик в его объятия; дело преследуемого – разгадать этот трюк и развернуться одновременно. Эсминец в погоне за подлодкой такой маневр повторить не может: он разворачивается слишком медленно, по слишком большой дуге, и при обратном развороте подводная лодка просто исчезнет с его локатора – другими словами, он, как и подумал Макалистер, выйдет из боя. Однако это еще не вся история. В такой погоне неожиданный маневр – дело подлодки, поскольку, если кружить бесконечно, ее рано или поздно нагонят.

На самом деле у нее есть лишь один возможный маневр – резко повернуть в другую сторону. Один раз немец этот трюк успешно осуществил. В любом случае он поворачивает быстрее эсминца и может выиграть время. Пройдут секунды, прежде чем Эллис заметит изменение пеленга. Секунды, пока он доложит об изменениях в рубку. Секунды на приказ о перекладке руля и долгие, долгие секунды, в течение которых «Килинг» будет менять курс. Подлодка начнет поворот по единственному слову капитана, в то мгновение, когда тот решит. Эсминец начнет повторять ее маневр через полминуты, а полминуты на почти противоположных курсах – это разрыв в первые сотни ярдов, огромный выигрыш для подлодки. Ей надо лишь повторить этот маневр несколько раз, чтобы выйти за дальность локатора и ускользнуть.

Но что, если эсминец предвосхитит маневр и повернет за секунду-две до подлодки? Тогда в эти секунды или дольше, пока на ней не заметят, что сделал преследователь (а там те же сложности с получением и передачей сведений, что на эсминце), она будет нестись прямо к нему в объятия, словно ребенок, бегущий вокруг стола. Детская стратагема, простая до примитивности, как большая часть военных стратагем. Для ее исполнения требовалась не только быстрота мыслей, но и решимость. Надо было сделать выбор, сопоставить риск с возможным выигрышем, не страшась одного и не ослепляясь другим. В тот миг, когда Краузе приказал положить руль на борт, подлодка была от них на дальности гидролокатора, и он даже без радиально нового маневра имел малый, но все-таки шанс настичь противника. Краузе рисковал этим шансом. Если лодка продолжит идти прежним курсом, контакт будет утерян почти навер-

няка и она получит возможность атаковать приближающийся конвой, как и когда захочет ее командир. Такую ставку сделал Краузе в этой игре. Однако ставка была совсем не так велика, как могло показаться, поскольку, продолжая кружить вслед за подводной лодкой, запаздывая на каждом повороте, он бы постепенно отстал. Он рисковал не определенностью ради зыбкого шанса, а одним зыбким шансом ради другого.

Были и другие соображения, которые могли бы повлиять на Краузе; могли бы, но не повлияли. Он управлял кораблем, так сказать, на глазах у закаленных боями моряков польского эсминца и двух корветов, британского и канадского. Они участвовали в десятках сражений, он – ни в одном. Им будет очень любопытно, на что годится янки, особенно если он уже отозвал их из погони. Может, они усмехнутся, может, исполнятся презрения, может, даже обозлятся. Кто-то принял бы такие соображения в расчет. Краузе точно не принял.

Чтобы проанализировать все тактические элементы ситуации и все моральные факторы, побудившие Краузе скомандовать: «Право на борт», быстрому уму потребовалось бы минут семь, а Краузе принял решение меньше чем за секунду-две без всякого сознательного анализа, как без раздумий поворачивает ребенок, бегущий вокруг стола. У фехтовальщика парирование переходит в рипост за десятую-пятнадцатую долю секунды; сравнение, быть может, оправданное, поскольку Краузе, хоть и редко вспоминал об этом сейчас, восемнадцать и четырнадцать лет назад входил в олимпийскую сборную по фехтованию.

«Килинг» накренился на повороте, черпнув воды.

– Пеленг контакта неопределенный.

– Очень хорошо.

Ничего удивительного, учитывая, как перепахана вода. «Килинг» завершал поворот.

– Отводи. Одерживай, – приказал Краузе.

«Килинг» завершил поворот. Макалистер отрепетовал команду, и «Килинг» выровнялся на новом курсе.

– Контакт слева ноль-два. Дистанция восемьсот ярдов, – сказал телефонист.

– Очень хорошо.

Маневр принес успех. Поворот «Килинга» упредил поворот подлодки. Теперь противник был почти прямо по курсу, и выигрыш составил двести ярдов.

– Так держать, – сказал Краузе.

Подлодка могла еще поворачивать и даже, скорее всего, еще поворачивает; раз так, пусть пройдет поперек курса «Килинга», еще сокращая разрыв.

– Контакт прямо по курсу. Доплер выше¹⁹, – сказал телефонист.

Значит, лодка продолжила поворот и оказалась еще ближе к эсминцу. Доплеровский эффект указывал, что они с «Килингом» на одной линии, идут одним курсом, другими словами, «Килинг» у лодки на хвосте и догоняет ее за счет разницы в скорости, узлов примерно на шесть, и это на расстоянии менее полумили. Четыре минуты такого преследования, и они ее нагонят. Было искушение врубить все сорок тысяч лошадиных сил «Килинга», преодолеть разрыв почти что одним прыжком. Однако поддаваться искушению было нельзя, поскольку при увеличении скорости оглохнет гидролокатор.

– Контакт справа ноль-один. Дистанция семьсот. Доплер выше.

Они быстро ее нагоняли. Доплеровский эффект и незначительность в смещении пеленга указывали, что на момент последнего эха лодка не поворачивала. Ее командир, завершив маневр, должен был дожидаться рапорта своего гидроакустика. Возможно, он не поверил первому сообщению, возможно, хотел проверить, не поворачивает ли «Килинг» дальше, воз-

¹⁹ За счет эффекта Доплера тон эха меняется. Более высокий тон («Доплер выше») означает, что пеленгуемый объект приближается, более низкий («Доплер ниже») – что он удаляется, «Доплера нет» – что расстояние между пеленгующим и пеленгуемым не меняется.

можно, секунду-две решал, что теперь делать, и потерял время – время и расстояние. Он вывернул из круга на курсе, который должен был увести лодку в безопасность, и наверняка опешил, обнаружив, что нос противника указывает прямо на него. Теперь он должен маневрировать снова – еще три минуты на нынешнем курсе, и ему конец. Он может повернуть вправо, а может влево. Упредить его еще раз, и «Килинг» настигнет подлодку. Прошлый раз она повернула вправо. Что сделает ее командир? Инстинктивно вильнет влево или проявит хитрость: снова повернет вправо? У Краузе было две секунды, чтобы это обдумать, много больше, чем у фехтовальщика, когда тот, клинок к клинку, угадывает, сделает противник выпад или фехт.

– Право руля.

– Есть право руля.

Одновременно с ответом рулевого раздался голос телефониста:

– Контакт справа ноль-два. Шестьсот ярдов.

Дистанция между ними всего шестьсот ярдов, значит угол поворота должен быть меньше.

– Отводи.

– Есть отводить.

Пришло время поймать взгляд лейтенанта Нурса, командира торпедно-минной части и замкомандира артчасти.

– Приготовиться. Средняя глубина.

– Есть, сэр.

Нурс заговорил в микрофон. Краузе проглотил вставший в горле комок. Бой приближался. Когда управляешь кораблем, время перед решительным моментом всегда ускоряется. Две минуты назад бой казался далеким. Сейчас они в любую секунду начнут бросать глубинные бомбы.

– Контакт справа один-один. Шестьсот ярдов.

Курсовой сместился за счет поворота «Килинга», остановленного в тот миг, когда Эллис получил эхо. Следующее сообщение определит всё. Нурс напряженно ждал. Расчеты бомбометов и матросы у стеллажей с глубинными бомбами наверняка уже пригнулись в полной готовности. Переводя взгляд с Нурса на телефониста, Краузе наткнулся на еще одну пару глаз. Посмотрел снова. Это был Доусон, связист, с планшетом в руке. Он поднялся в рубку со своего поста, а значит, пришла радиограмма, настолько секретная, что передать ее можно только лично. Секретная, а следовательно, важная. Но даже она не так важна, как дело ближайших двух секунд. Краузе жестом велел Доусону отойти в сторону. Телефонист заговорил снова:

– Контакт справа один-один. Пятьсот ярдов.

Курсовой угол постоянный, дистанция сокращается. Он упредил поворот лодки. Сейчас они с «Килингом» неслись к точке randevu – randevu, на котором третьей будет смерть. Краузе вновь глянул на Нурса. Сжал кулаки.

– Контакт прямо по курсу. Дистанция близкая!

С телефониста слетела вся его гномья невозмутимость. Голос по-мальчишески дал петуха.

– Первый – пли! – заорал Краузе и выбросил в сторону Нурса руку с выставленным указательным пальцем.

Нурс заговорил в микрофон. Сейчас они с Краузе пытались убить пятьдесят человек.

– Первый – пли! – скомандовал Нурс. – Второй – пли! Третий – пли!

Резкое изменение курсового угла могло означать только одно: командир подлодки, поняв, что его маневр опять раскусили и два судна стремительно сближаются, снова положил руль на борт и устремился прямо на противника, чтобы проскочить его на встречном курсе и максимально сократить опасное время. «Дистанция близкая» – это ярдов триста, минимум, на котором действует гидролокатор. Быть может, подлодка прямо сейчас проходит под эсминцем, точно под ногами у Краузе. Глубинные бомбы, тяжело уходящие в темную воду, возможно, уже

запоздали и взорвутся у лодки за кормой, не причинив ей вреда. Но может быть, она сейчас прямо перед «Килингом», скользит к его корме, и тогда – если глубина задана хоть сколько-нибудь правильно – бомбы взорвутся вокруг нее, круша хрупкий корпус. Однако она может проходить и не под эсминцем, а в ста ярдах справа или слева. Двойной рык бомбометов сообщил Краузе, что бомбы выстрелены с обоих бортов именно на этот случай. Может, и получится. Вся надежда на то, что хоть одна из четырех глубинных бомб взорвется достаточно близко. Это все равно что палить из обреза в темной комнате по мечущемуся человеку. И так же безжалостно.

Краузе вышел на крыло мостика. Как раз тут выстрелил бомбомет на полуюте. Неуклюжий цилиндр, мелькнув перед глазами, с плеском ушел под воду. И в то же мгновение море далеко в кильватере разверзлось огромным серым кратером, из середины кратера встал столб пены, и пока он рос, до Краузе донесся мощный, но глухой раскат подводного взрыва. Столб еще стоял, готовясь опасть, когда разверзся второй кратер и второй столб встал посреди моря, а за ним еще два – с правого борта и с левого. Он кипит пучину, как котел²⁰, сказал Иов. Казалось, ничто живое не может уцелеть в длинном эллипсе вспененной воды, однако ничего видно не было: ни мокрого корпуса, ни огромных пузырей, ни пятен топлива. Десять против одного, что ни одна из глубинных бомб не взорвалась вблизи цели. Было бы удивительным везением, если бы первая же серия глубинных бомб – первая попытка Краузе убить человека – оказалась успешной.

И впрямь! Вбегая в рубку, он ощутил мучительный укол совести. Ему вообще не следовало выходить на мостик. С последнего взрыва прошло пять секунд – пять секунд, за которые немец мог проделать целых сто ярдов на пути к безопасности. Снова охотничья лихорадка. И безответственность.

– Право на борт, – скомандовал он.

– Есть право на борт.

Рулевой отрепетовал приказ.

– Курс назад к точке сброса бомб.

– Есть, сэр.

– Одерживать на курсе, противоположном нынешнему.

– Локатор докладывает, аппаратура временно не функционирует, сэр, – сообщил телефонист.

– Очень хорошо.

Локатор, нежный, как человеческое ухо, на время оглушен подводными взрывами. «Килинг» разворачивался по узкому кругу, но не так быстро, как хотелось Краузе. На полный разворот эсминцу требовалось несколько минут, а подводная лодка – если она не повреждена – уходит на полном ходу. К тому времени, как нос «Килинга» вновь укажет на нее, она может быть в миле и больше, на расстоянии, на котором локатор не сумеет ее поймать. А Доусон вновь совал под нос свой планшет. Краузе и забыл, что тот принес радиограмму три минуты назад. Он взял планшет и первым делом прочел слова в середине сообщения.

**ВЧРП УКАЗЫВАЕТ НА КОНЦЕНТРАЦИЮ ПРОТИВНИКА – дальше
шли широта и долгота, – РЕКОМЕНДУЕМ РЕЗКУЮ СМЕНУ КУРСА К ЮГУ.**

Значения широты и долготы выглядели подозрительно знакомыми. Чтобы подтвердить это подозрение, хватило доли секунды. С точностью до мили-двух числа соответствовали нынешнему положению «Килинга». Они были посреди волчьей стаи немецких подлодок. Адмиралтейскую радиограмму, адресованную ему как командиру эскорта, составили два часа назад. До него она добралась почти в рекордное время; служащие Адмиралтейства с его кар-

²⁰ Иов. 41: 23.

тами и прокладочными планшетами отправили ее в надежде на почти невысказанное стечение обстоятельств. Если бы радиограмма каким-то чудом пришла быстрее, а караван запаздывал бы на час-два, то еще оставалось бы время повернуть и увести его от волчьей стаи. А сейчас? Исключено. Отставшие, надо надеяться, уже подтянулись, и конвой тяжелой неповоротливой громадой ползет вперед. Приказы коммодору можно передать за несколько секунд, но пройдут минуты, прежде чем эти приказы сообщат каждому судну конвоя и убедятся, что они правильно поняты. А сам маневр приведет к повторению недавней сумятицы, какие-то корабли снова отстанут... разброд будет даже хуже, чем в прошлый раз, поскольку маневр произойдет не по расписанию.

– Обратный курс, сэр, – доложил Уотсон.

– Очень хорошо. Начинайте локацию.

И даже безупречный поворот ничего бы не дал: волчья стая уже знает о караване. Маневр стал бы лишь тратой времени, опасной и бесполезной.

– Локатор докладывает отсутствие контакта, сэр.

– Очень хорошо.

Среда. Послеполуденная вахта – 12:00–16:00

Оставалось одно: с боем прорваться через волчью стаю и продолжить путь через Атлантику. По крайней мере, его предупредили, но предупреждение ничего, по сути, не изменило, поскольку и эскорт, и конвой постоянно были начеку, как если бы волчья стая находилась близко. По той же причине Краузе не считал нужным передавать известие подчиненным и коммодору. На их действиях оно не скажется, а чем меньше людей знает, как точно Адмиралтейство умеет определять концентрацию немецких подводок, тем лучше.

– Локатор докладывает отсутствие контакта, сэр.

– Очень хорошо.

Значит, надо пробиваться вперед, прорубать проход для медлительного конвоя в кордоне немецких подводных лодок. А что насчет радиограммы у него в руках? Как быть с этими несколькими словами из внешнего мира, такого бесконечно далекого от его узкого горизонта? Их придется оставить без ответа; нельзя нарушать радиомолчание, чтобы просто сообщить о невозможности исполнить рекомендацию. Придется вести бой, пока штабные в Лондоне и Вашингтоне, на Бермудах и в Рейкьявике остаются в неведении. Ибо каждый понесет свое бремя²¹, и это бремя – его. Текст из Послания к Галатам, Краузе помнил, как учил его давным-давно. Надо просто исполнять свой долг, и зрители для этого не нужны. Он был один со своей ответственностью в набитой людьми рубке, во главе каравана. Бог одиноких вводит в дом²².

– Локатор докладывает отсутствие контакта на тридцать градусов справа и слева по носу, сэр.

– Очень хорошо.

Краузе повернулся от одной проблемы прямо к другой.

– Право помалу.

– Есть право помалу.

– Рулевой, называйте курс.

²¹ Гал. 6: 5.

²² Пс. 67: 7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.